

ГЕОРГИЙ БРЯНЦЕВ

Военные
Приключения

ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА

Военные приключения

Георгий Брянцев
По ту сторону фронта

«ВЕЧЕ»

1989

Брянцев Г. М.

По ту сторону фронта / Г. М. Брянцев — «ВЕЧЕ»,
1989 — (Военные приключения)

Один из самых популярных авторов военно-приключенческого жанра Г. М. Брянцев (1904–1960) – участник Великой Отечественной войны, военный разведчик, не раз ходивший за линию фронта и сражавшийся бок о бок с народными мстителями против немецко-фашистских захватчиков. Роман «По ту сторону фронта» посвящен всем безвестным героям, сложившим головы за свободу Отчизны в глубоком тылу врага.

© Брянцев Г. М., 1989

© ВЕЧЕ, 1989

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	17
3	26
4	32
5	42
6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Георгий Брянцев

По ту сторону фронта

© Брянцев Г.М., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Товарищам по совместной борьбе в тылу у фашистских захватчиков, народным мстителям, партизанам Брянских лесов посвящаю...

Автор

Часть первая

1

В лесу, километрах в тридцати от города, в большой партизанской землянке второй час заседало бюро подпольного окружкома партии.

Выступал секретарь окружкома Пушкарев – человек пожилой, невысокого роста, начинающий полнеть, но еще очень подвижной.

– Партия призвала создать в оккупированных районах невыносимые условия для врага, – говорил Пушкарев. – Беспощадно уничтожать его на каждом шагу, систематически срывать его мероприятия. И наш народ по ее зову поднялся на эту священную борьбу. Люди делают все, что в их силах; они жертвуют своей кровью, своей жизнью во имя защиты и спасения социалистической Родины. Как же мы должны рассматривать поведение командира взвода Грачева?

Пушкарев смолк и обвел присутствующих вопросительным взглядом. Его черные колючие глаза поблескивали из-под густых бровей. На темном от загара лице резче обозначились морщины.

Кроме членов бюро Зарубина, Добрынина, Кострова и Рузметова на заседании присутствовали командиры взводов, парторги и Дмитрий Карпович Беляк.

Все молча смотрели на секретаря, ожидая, что Пушкарев сам ответит на поставленный вопрос, но он задал его вновь:

– Как, я вас спрашиваю? – и остановил взгляд на Грачеве.

В сторону Грачева, сидящего в дальнем углу землянки на груде березовых дров, повернули головы и присутствующие. Опять воцарилась тишина, напряженная, томительная. Грачев молчал, опустив голову и поглаживая руками колени.

– Молчаньем тут не отделаешься, – бросил ему комиссар отряда Добрынин. – Говори, как думаешь воевать дальше?

Грачев не ответил. Голова его опустилась еще ниже на грудь.

С чурбана поднялся командир партизанского отряда капитан Зарубин.

Он сердито посмотрел на Грачева, засунул руки за широкий поясной ремень и сказал:

– Ни о чем он не думает. Я могу рассказать, что мне пришлось увидеть в его взводе.

Отдельный взвод под командованием Грачева был расположен километрах в двадцати от лагеря партизанского отряда и являлся как бы его аванпостом. Между взводом и отрядом лежали железная и шоссейная дороги. И ту, и другую гитлеровцы усиленно охраняли, так что добираться до взвода каждый раз приходилось с большим риском. В задачу Грачева и его людей входило: держать под своим ударом шоссейную дорогу, по которой передвигались немецкие транспорты, и не давать покоя оккупантам, терроризирующим население окрестных сел. Задачу эту взвод не выполнял. Да и не только эту. Он вообще бездействовал. И об этом сейчас горячо и резко говорил командир отряда Зарубин.

Партизаны взвода Грачева провели всего-навсего одну боевую операцию. И – надо отдать им справедливость – провели удачно, без потерь. Они проследили вражеский обоз, остановившийся на ночь в деревеньке, напали на него, перебили гитлеровцев, захватили оружие, продукты, восемь парных подвод. Но спустя несколько дней в деревню приехали каратели и учинили расправу над мирными жителями. Они расстреляли каждого десятого человека и вывесили приказ, в котором предупреждали, что и впредь за одного убитого немца будет уничтожено десять русских, невзирая на пол и возраст. После этого Грачев растерялся и прекратил все операции.

– И сидят они сейчас в лесу, среди болот, как кержаки, – продолжал Зарубин. – Обленились. Гадают, когда конец войне придет. Грачев распустился сам, распустил людей. Он забыл, что является партизаном, командиром, коммунистом. Я считаю, что его надо немедленно отстранить от командования взводом, разжаловать в рядовые, наложить партийное взыскание. И это будет самое мягкое решение. За такие вещи следует...

Зарубин не окончил фразы, резко взмахнул рукой и опустил на чурбан. Все смотрели на Грачева. А он сидел неподвижно, все в той же позе, свесив на грудь голову. Изредка он тяжело вздыхал.

Слова попросил член бюро, командир взвода подрывников Усман Рузметов, стройный, с тонкой талией, похожий на подростка.

– Я согласен с капитаном Зарубиным, что Грачев заслуживает сурового наказания, – сказал Рузметов. – С командования взводом его надо снять, но считаю нецелесообразным разжаловать его в рядовые. Предлагаю назначить его командиром отделения и объявить выговор по партийной линии.

Пушкарев, начавший было вертеть самокрутку, высыпал табак в кисет, а бумажку смял и выбросил.

– За тобой слово, Грачев! Отвечай! – сурово произнес он. – Тебе большое дело поручили, сколько людей доверили, а ты нюни распустил – отсиживался в лесу, как байбак.

Грачев тяжело, со вздохом поднялся, едва не достав головой потолка землянки. Высокий, худой, узкоплечий, он стоял с опущенной головой. Лицо со впалыми небритыми щеками выглядело усталым. Что он может сказать? Он сказал уже все, когда ему дали слово в начале заседания. Что можно добавить? Еще до того, как Зарубин пришел к нему во взвод, он понял, что допустил большую ошибку, но было уже поздно, – авторитет командира в глазах подчиненных был потерян. Возможно, другой на его месте поступил бы иначе, созвал бы партизан и сказал честно, что ошибался, а теперь хочет исправить ошибку. А у него не хватило мужества так поступить. Ему стыдно было признаться в этом. И вот последствия...

– Я заслуживаю наказания, – проговорил наконец Грачев. – Растерялся я, сознаюсь... Оправдываться не думаю. Но хочу сказать правду... Мысль о том, что фашисты на наши удары будут отвечать расправой над мирными жителями, не мне первому пришла в голову. С этой мыслью пришли ко мне ребята – партизаны из деревни Корытово, где мы накрыли обоз. И я поддался их настроениям. А потом пошло все насмарку... Поручите мне любое дело, товарищи, я искуплю свою вину... даю слово... Твердо обещаю...

Грачев умолк. Все чувствовали, что ему тяжело. Но никто не выступил в его защиту. Каждый понимал, что ошибки бывают разные: за одни можно поругать, за другие надо наказывать строго, сурово, а ошибка Грачева была именно такая, которую нельзя прощать.

– Эх, Грачев! Грачев!.. – произнес Пушкарев. – Подвел ты меня. Другим я знал тебя на заводе... Садись!

Пушкарев встал, отбросил в сторону кисет.

– За пятнадцать расстрелянных колхозников надо было уничтожить сотню врагов, две сотни... три! А ты? Ты решил сложить оружие? За это тебе спасибо советский народ не скажет. Ты понимаешь, что это значит? Садись же, – повторил он продолжавшему стоять Грачеву. – Советую тебе поучиться кое у кого, как служить родине. – Пушкарев кивнул в сторону Беляка, сидевшего на банке из-под бензина. – Ему в городе труднее, чем нам в лесу... Какие будут предложения?

Коммунисты переглядывались.

Старый партизан Макуха внес предложение объявить Грачеву строгий выговор, но оставить его командиром взвода. Он знает Грачева с малых лет. Грачев – потомственный рабочий, перед войной был выдвинут на профсоюзную работу. Брат Грачева – политработник Красной армии. Макуха уверен, что Грачев теперь будет вести себя по-иному.

Никто Макуху не поддержал.

– Старые заслуги здесь ни при чем, – сказал командир взвода Селифонов. – Рабочим Грачев был хорошим, а вот командиром оказался никудышным. Сейчас война. Советские люди кровь проливают, защищая родину, и о каждом из нас будут судить по сегодняшним делам. Я – за предложение Рузметова. Пусть Грачев покомандует отделением. Это тоже большое дело. Оправдает себя, тогда опять взвод получит.

На голосование поставили три предложения: Зарубина, Рузметова и дедушки Макухи. Прошло предложение Рузметова. Постановили объявить Грачеву выговор и назначить его командиром отделения во взвод Селифопова.

– Мне можно идти? – неуверенно спросил Грачев, когда вопрос был решен.

– Можно и посидеть, – ответил Пушкарев. – Набирайся ума-разума.

Потом Пушкарев объявил, что к командованию отдельным взводом Зарубин допустил помощника Грачева, Толочко.

– Утвердим его или пошлем другого? – спросил Пушкарев.

– Можно утвердить. Толочко боевой командир и строевые навыки имеет. Он в воензированной охране служил четыре года, – сказал комиссар Добрынин.

– Боевой-то боевой, слов нет, а поддался настроениям Грачева, – бросил реплику Макуха.

– В этом я повинен, товарищи, – заговорил Грачев. – Толочко долго со мной спорил. Старался переубедить меня... Даже наедине ругал меня, называл трусом... И потом Толочко знает военное дело. Его и бойцы любят. Он справится с работой.

Толочко утвердили командиром отдельного взвода.

После этого рассматривался вопрос о результатах трехмесячной боевой деятельности отряда. Докладывал капитан Зарубин.

– Времени прошло сравнительно немного, – начал Зарубин, – и я, как сейчас, помню тот день, когда меня впервые привезли в лес. Очень хорошо помню. Мне представили около трех десятков людей и сказали: вот твое войско. Надо сказать, в тот момент я пожалел, что дал согласие остаться в лесу. Я вырос в кадрах армии, в ее передовом отряде – пограничных войсках, и когда мне сказали, что люди, стоящие передо мной, войско, я даже не знал, о чем мне говорить с ними. Как-то стало не по себе. Думаю: с кем же буду фашистов бить? Сейчас мне самому смешно – как мог прийти в голову такой дурацкий вопрос, а тогда... тогда я серьезно задумался.

Капитан Зарубин, как всегда, говорил быстро, порывисто, стоя по-военному прямо. Короткими, скупыми штрихами он рисовал пройденный отрядом боевой путь, вспоминал успехи и неудачи, называл фамилии людей.

– За это время, – говорил он, – отряд численно возрос более чем в пять раз. На боевом счету имеем двести сорок шесть убитых и восемнадцать захваченных в плен гитлеровцев, два пущенных под откос эшелона, две подорванные водонапорные башни на железнодорожных станциях, двенадцать уничтоженных автомашин, шесть мостов...

Доклад занял сорок минут и вызвал оживленные прения. Коммунисты обсуждали очень важный для них вопрос: правильно ли до сих пор воевал отряд с врагом и как надо воевать впредь?

– Мы много сделали, слов нет. Многого добились. Мы уже не те, что были, когда впервые пришли сюда, – сказал Добрынин. – Но этого еще очень мало. Это только начало. И я как комиссар отряда похвалиться своей работой не могу. Еще плохо работаю. Сегодня коммунисты должны задуматься, все ли, что надо, мы сделали. Я думаю, не все. Правильно, отряд увеличился в пять раз. Но разве это предел?

Комиссар ставил вопросы и сам на них отвечал. Он доказывал, что вовлечение в отряд новых людей, особенно молодежи, проводится неудовлетворительно. Народная война потому

и зовется народной, что в ней участвуют массы. А можно ли сказать, что отряд успешно поднимает на борьбу с оккупантами народ? Нельзя!

Вслед за Добрыниным попросил слова член бюро, начальник разведки отряда капитан Костров. Говорил он медленно, обдумывая каждую фразу, не повторяясь, не употребляя лишних слов. Он поднял очень важный вопрос: о связи с Большой землей.

– Без радиосвязи мы не можем сочетать свою работу с планами советского командования, – сказал Костров. – И это надо считать крупнейшим недостатком в работе отряда. Свою борьбу мы должны подчинять общим интересам фронта. Мы наносили удары врагу. Это хорошо! Но если наши удары будут совпадать с расчетами командования, будет еще лучше. Это раз. Мы не можем реализовать ценнейшие разведывательные данные о противнике, которые с трудом и жертвами добывают наши люди. А в этих сведениях нуждается наша армия. Это два. Мы не знаем положения на фронтах, в советском тылу. Это три. Нельзя так. Недопустимо вариться в собственном соку, руководствоваться в боевой работе только своими собственными соображениями. Мы послали через линию фронта связного. Прошел уже месяц, а вестей нет. Надо послать еще одного, двух, трех, четырех человек. Надо сообщить командованию фронта район действий отряда, ориентиры, видимые с воздуха, и просить радиста с аппаратом...

Кострова горячо поддержал секретарь окружкома Пушкарев. Ходоков на ту сторону надо посылать немедленно, и не одного, а нескольких, как предложил Костров. И не поочередно, а сразу, в различных направлениях. Не пройдет первый, пройдет второй или третий.

Командование фронта, конечно, заинтересовано в том, чтобы наладить связь с отрядом, и оно, безусловно, пришлет радиста. А когда будут радист и радиостанция, все изменится коренным образом.

Устанавливать связь надо не только с Большой землей, но и с партизанами соседних районов. Надо послать людей в районы, где действуют другие отряды. Плохо, что отряд не имеет связи с Большой землей, но совершенно непростительно, когда этой связи нет с соседними отрядами.

Когда Пушкарев кончил, из угла раздался голос командира взвода Бойко:

– А насчет газеты вы что-нибудь думаете?

– Кто это «вы»? – насупив брови, спросил Пушкарев.

Бойко смутился.

– Ну, то есть бюро... – пояснил он.

Рузметов недоуменно пожал плечами.

– Почему только бюро должно думать о газете?

– А кто же?

– Правильно говоришь, Усман, – поддержал Рузметова комиссар Добрынин. – Газета – дело не только бюро, а всего отряда, всех коммунистов.

...Собрание затянулось. Решение по докладу Зарубина приняли, когда уже начало темнеть. Участники заседания разошлись, и в землянке остались Пушкарев, Зарубин, Добрынин, Костров и Беляк.

Дмитрий Карпович Беляк за свою пятидесятилетнюю жизнь впервые присутствовал на партийном заседании, решающем такие важные вопросы. Это было большим событием в его жизни.

Последние пятнадцать лет Беляк жил здесь, в городе, заведовал городской библиотекой. А родился он в Сибири, под Иркутском. Там рос и учился. В годы Гражданской войны партизанил. С отрядом известного на севере дедушки Каландарашвили дошел до Якутска, устанавливал там советскую власть, а затем несколько лет работал в финансовых органах в самом Иркутске.

В двадцать шестом году, схоронив жену и оставшись вдвоем с семилетней дочуркой, Беляк окончил курсы библиотечных работников и перебрался в здешние края.

Перед началом войны он жил один, – дочь уехала в Москву и поступила в институт. А сейчас связь с ней прервалась. Беляк не знал, в Москве она или еще где-либо.

Накануне войны Дмитрий Карпович решил подать заявление в партию, но разразившиеся внезапно события помешали ему осуществить свою мечту. Принять его так и не успели.

Во время собрания, слушая выступления партизан-коммунистов, Беляк вспоминал теплую августовскую ночь, принесшую с собой столько бед. Город подожгли фашистские стервятники. Он был объят пламенем. Высоко в черное небо взлетали огненные языки. Горели стекольный завод, шпагатная фабрика, драматический театр, нефтебаза, горели жилые дома. Было так много огня, что звезды, казалось, погасли.

В эту ночь Беляк работал в библиотеке: укладывал книги в ящики, готовя их к эвакуации. Тревога помешала окончить работу. Беляк бросился домой, но не дошел: налет вражеских бомбардировщиков захватил его на полпути. Над городом повисли осветительные ракеты, источая нестерпимо белый, мертвенный свет. Ракеты горели так ярко, что можно было различить каждую былинку на земле, каждый лист на дереве.

Предчувствие чего-то неотвратимого пришло к Беляку, когда он услышал нарастающий свист бомбы. Надо было немедленно упасть плашмя на землю и лежать неподвижно, а он только остановился и замер на месте, как бы скованный неведомой, неподвластной ему силой. Он видел огромную, ослепительную вспышку пламени, а потом уже ничего не слышал и не видел, – сознание оборвалось.

Очнулся он в городской больнице, когда уже брезжил рассвет. Первое, что он услышал, был надрывной вой сирены. Потом опять грохотали взрывы и все сотрясало вокруг: фашисты бомбили город четвертый раз в течение суток.

В больнице было много раненых. Мужчины, женщины, дети лежали прямо на полу, – кроватей не хватало. Слышались стоны, из коридора доносился чей-то истошный крик. Беляк видел, как подошедшая санитарка склонилась над лежащей у стены девочкой. Голова и грудь ребенка были забинтованы. Девочка, словно рыбка, выброшенная на берег, с усилием открывала синие запекшиеся губы и жадно глотала воздух. Тоскующие недетские глаза ее, устремленные в одну точку, застывали, мутнели. Санитарка, закрыв лицо ладонями, заплакала.

Эта картина неизгладимо врезалась в память Беляка. Смерть девочки повергла его в какое-то оцепенение. Он долго лежал с широко раскрытыми глазами, не слыша глухих ударов бомб, не ощущая боли в ноге и в ключице.

Вторая половина дня прошла спокойнее: самолеты не прилетали, но зато явственней стали слышаться разрывы снарядов и перестук пулеметов.

Под вечер Беляка, по его просьбе, вынесли во двор и положили на топчан между двумя елями. Он лежал неподвижно и глядел, как плыли и таяли в чистом вечернем небе маленькие облака. Незаметно он забылся. И когда открыл глаза, увидел перед собою большую грузную фигуру начальника цеха стекольного завода Добрынина, своего товарища по охоте. Сидя в ногах Беляка на топчане, Добрынин короткими пальцами больших сильных рук вертел самокрутку.

– Федор Власович! – слабым голосом позвал Беляк.

– Ага! Проснулся? – Добрынин тепло посмотрел в лицо Беляка и легонько пожал его руку. – Что, всыпали?

– Всыпали. Ключица перебита и в ногу попало.

– Так, так... – Добрынин чиркнул спичкой. – Я уже узнавал у врача. Ну, ничего, заживет до свадьбы. Сибиряки – люди крепкие. – Помолчал немного, он добавил: – А я к тебе, Карпыч, с серьезным делом.

Беляк насторожился.

– Говори... Я слушаю, – сказал он.

Добрынин затаился самокруткой, прищурил черные, глубоко посаженные глаза, подул на огонь сигарки и долго молча смотрел на Беляка, как бы обдумывая, с чего начать разговор.

– Ну? Чего же молчишь? – нетерпеливо спросил Беляк. Добрынин улыбнулся в седоватые усы. Потому и не торопится, пояснил он, что дело действительно серьезное. Просьба есть к Беляку от городского комитета партии: остаться в городе и организовать подпольную борьбу с фашистами. Он, Добрынин, пойдет в лес формировать партизанский отряд, а Беляк должен поднимать людей в городе.

– Как ты на это смотришь? Говори прямо, – сказал Добрынин.

Но сразу, одним словом, одной фразой ответить нельзя было. Дело действительно оказалось серьезным.

– А справлюсь я? – спросил Беляк.

– Тебя только это беспокоит?

– Пожалуй, да.

Добрынин пожал плечами.

– А я справлюсь с тем, что мне поручили? Как по-твоему? Ведь я назначен комиссаром партизанского отряда. Ну, начальник цеха, куда ни шло, – я с малых лет по стекольному делу пошел. А то – комиссар! Ты понимаешь, комиссар отряда?!

– Понимаю, все понимаю, Федор Власович. Ты-то справишься. У тебя такая струнка есть. Ты можешь заставить людей слушаться себя.

Добрынин усмехнулся.

– А я уверен, что ты, Дмитрий Карпович, тоже справишься. Ты вот у меня струнку подметил, а в тебе тоже есть этакая закваска... Упорство есть. Да и умом тебя Бог не обидел. Я ведь тебя и рекомендовал горкому партии.

– Спасибо, Федор Власович.

– Я рекомендовал, а Пушкарев поддержал... В общем, теперь слово за тобой.

Беляк лежал, закрыв глаза. Он пытался представить себя в роли подпольщика. В город входят гитлеровские войска. Начинаются репрессии, аресты, обыски, допросы. Вводится фашистский режим, устанавливаются новые порядки. И против всего этого надо вести борьбу.

В качестве кого ему придется остаться в городе? С чего начинать? На кого в первую очередь можно опереться? Как много возникает вопросов! И это сейчас, когда враг еще не вошел в город.

Беляку вспомнился девятнадцатый год, партизанский отряд в Сибири, в тылу у Колчака, и он сам, молодой парень-партизан. Давно это было, а как все врезалось в память. Он хорошо помнит, как дважды пробирался в город из лесу на встречу с подпольщиками. Скрывался в городе по неделям, отлеживался, набирался сил для обратной дороги. Однажды он присутствовал на собрании подпольщиков. Оно происходило на железнодорожной станции, на заброшенных путях, где-то в тупике, в пустом нетопленном вагоне. Потом он побывал у женщины, размножавшей листовки на пишущей машинке. Эти листовки Беляк понес в отряд, а оттуда их распространяли по окрестным деревням. Работали же тогда под носом у врага. Да еще как работали!..

– Ты не заснул, Карпыч? – напомнил о себе Добрынин.

– Нет, нет, – поспешно ответил Беляк. – Я... думал.

– И что надумал?

– Попробуем, Федор Власович. Страшновато, правда, но попробуем.

– Так-то оно лучше! – сказал Добрынин и поднялся. – Пойду в горком, доложу о твоём согласии, а как стемнеет, приду еще раз. Прощаться не будем.

...Вторично Добрынин пришел поздно ночью и не один, а с начальником разведки Костровым. Беседа на этот раз затянулась до утра.

Договорились о том, с чего начать подпольную работу, кого из жителей привлечь, с кем из подпольщиков Беляку надо установить связь и как ее поддерживать далее. Надо было хорошо запомнить имена, фамилии, адреса, пароли.

– И лежи ты здесь, пока не придут немцы. Быстро не выздоравливай. Понял? – предупредил Добрынин. – Пусть тебя застанут на больничной койке. Это совсем неплохо.

Добрынин и Костров ушли уже под утро, и после этого встретился с ними Беляк только на сегодняшнем заседании, спустя три месяца.

– Ну, а теперь с тобой, товарищ Беляк, займемся, – сказал Пушкарев, когда участники заседания разошлись. – Садись поближе, рассказывай... Как живешь? Как чувствуешь себя? Новости какие? Почему опоздал?

Беляк начал с последнего вопроса. В условленном месте он не нашел провожатого с лошадьми и пошел в отряд пешком. Оказывается, разминулись. Провожатый нагнал его уже на полпути.

– Нехорошо получилось, нехорошо, – насупив брови, произнес Пушкарев и бросил короткий взгляд на Зарубина.

Тот наклонился к сидящему рядом Кострову.

– Не знаешь, от кого был проводник?

– Кажется, от Селифонова, – ответил Костров.

Командир отряда внимательно разглядывал Беляка, о котором много слышал. Смуглый, с уже редющими, но без единой сединки черными волосами, с темно-карими спокойными глазами, прямым носом и небольшим ртом, Беляк производил впечатление человека с твердым характером.

– Я сам проверю, – сказал Зарубин, – почему провожатый не нашел вас.

– Ну ладно, ладно, вопрос исчерпан, – нетерпеливо проговорил Пушкарев. – Рассказывай, Карпович. Ведь три месяца прошло! Не шутка, а?

– Да... воды много утекло... – отозвался Беляк, придвигая поближе к столу высокий чурбан, на котором он сидел. – Я уже не знаю, с чего начинать.

– Давай так, Дмитрий Карпович. – Пушкарев поставил ладонь ребром. – Сначала о том, как живешь, как устроился, как здоровье, потом о людях, об обстановке, а уже после обо всем прочем. Вот, брат, повесточка, а? – Он громко засмеялся.

Все сгрудились вокруг небольшого, покрытого плащ-палаткой стола.

Беляк рассказал, что уже на восьмые сутки после прихода гитлеровцев больных и раненых выпроводили из больницы, – в ней разместился немецкий офицерский госпиталь.

Когда созданная оккупантами управа объявила о регистрации жителей города, Беляк встал на учет, а дней через пять получил повестку, обязывавшую его явиться к заместителю бургомистра Чернявскому.

– Что это за фрукт, думаю, откуда он взялся? – рассказывал Беляк. – Я перебирал в памяти всех знакомых горожан, но фамилия Чернявского ни о чем мне не говорила. И только уже сидя в управе, в приемной, я вспомнил...

...Дело происходило в двадцать восьмом году. Как-то в полдень к городской библиотеке, которую только что принял Беляк, подъехал грузовик, и маленький расторопный старичок, представитель гороно, предложил принять привезенные им четыре больших ящика с книгами. Старичок просил повнимательней разобрать книги и все, что можно, зачислить в фонд библиотеки. Он предупредил: «Смотрите хорошенько, это изъято у арестованного эсера. Такой негодяй!»

Сидя против дверей заместителя бургомистра, Беляк вспомнил украшенный причудливой виньеткой штамп, стоявший на книгах: «Из библиотеки адвоката Вениамина Владимировича Чернявского»...

...Чернявский принял Беляка любезно, поинтересовался здоровьем, расспросил, устраивает ли его квартира, чем он думает заниматься.

Из беседы Беляк заключил, что Чернявский уже успел собрать необходимые сведения о его прошлом. Ему, например, было известно, что Беляк, живя в Сибири, работал бухгалтером в Союзе охотников и, стало быть, знаком со счетным делом, что он вдов и что дочь его учится в Москве.

В конце продолжительной беседы заместитель бургомистра предложил Беляку должность разъездного фининспектора управы. Беляк согласился.

– Он задал мне еще такой вопрос: «Вы, кажется, беспартийный?» Я ответил утвердительно. «Почему?» – спрашивает. Я сказал, что всю жизнь держался подальше от политики, увлекался больше книгами, охотой, наболтал ему о своей любви к природе. Это ему понравилось.

– Ну, а потом, потом как? – выпалил Пушкарев.

– А потом? Потом все пошло, как по нотам. Уже больше двух месяцев работаю под его началом в управе. Побывал в пяти сельсоветах, наметил кое-где надежных ребят. О финансовых делах докладываю лично Чернявскому, потому что деньгами-то он сам распоряжается, никому не доверяет. В общем, как принято говорить, сработались. Стали с ним такими «друзьями», – водой не разольешь. Приглашал меня даже на именины жены. Вот как!

Настроение у Беляка было бодрое, веселое, в темных глазах его светился задорный юношеский огонек.

– Молодец! Здорово! – Пушкарев рассмеялся и одобрительно хлопнул Беляка по плечу.

Беляк рассказал о своем знакомстве со стариком Микуличем, кладбищенским сторожем, который был тоже оставлен в городе для подпольной работы. Они встретились в один из воскресных дней. Это было удобно, потому что по воскресеньям на кладбище всегда бродил народ и появление Беляка не могло вызвать подозрений. Около небольшой сторожки добродушный лысый старик с рыжей бородой, одетый в заплатанную телогрейку, оттачивал каменным бруском лопату. Как было условлено, Беляк спросил его, в какой стороне кладбища можно отыскать могилу доктора Войнова. «Кого? Кого?» – переспросил сторож. Когда Беляк повторил пароль, старик, не торопясь, поднялся, поставил у стенки сторожки лопату, засунул под крышу брусок и направился к бочонку с дождевой водой. Прополоскав тщательно руки, он обтер их о штаны и пригласил гостя в сторожку.

– Вот так мы с ним и познакомились, – заключил Беляк.

– Микулич... – проговорил как бы про себя Зарубин. – Имя это или фамилия?

– Фамилия, – пояснил Беляк. – Звать его Демьяном Филипповичем.

– Какое впечатление он произвел на тебя? – спросил Добрынин.

– Надежный старик. Веселый, но на фашистов крепко зол. Мы с ним в первый же день кое-что наметили. Он город знает как свои пять пальцев. Все о тебе, Федор Власович, спрашивал: как ты да что ты, жив ли, здоров ли. Старуха у него совсем глухая... Угостила нас яичницей и маринованными грибами. Микулич по случаю знакомства притащил откуда-то поллитровку настоящей московской... Он так долго за ней ходил, что я, грешным делом, подумал: уж не в храме ли Господнем он хранил эту поллитровку? Ну, тут мы, конечно, и вас помянули.

– Хороший старик. Давненько я его знаю. Из одних мест мы, из-под Брянска, – улыбнулся Добрынин.

– Он все сокрушается, что умрет и детей после себя не оставит, – сказал Беляк.

– Это у него самое больное место, – пояснил Добрынин. – А по кладбищу водил тебя?

– Водил. Показал мне такие дыры и склепы, что в них роту солдат спрятать можно. Знатное кладбище. А я-то!.. Сколько лет прожил в городе и ни разу не был там.

– Ну, а как с могилкой доктора Войнова? – пошутил Пушкарев.

– Обошлись без нее.

Беляк рассказал, что уже установил связь с Наташей – официанткой столовой на немецком аэродроме, с Ольгой – телефонисткой центральной станции, с Карецкой – медсестрой немецкого госпиталя, с учителем Крупиным, бывшим директором ресторана Баклановым, железнодорожным мастером Якимчуком.

– Тут листовки немецкие ваши ребята показывали, а у меня вещь поинтересней есть, – сказал он. – Вот послушайте, что немцы про нас пишут. – Он достал из кармана листок бумаги. – Это из берлинской газеты. Карецкая перевела. «Поведение нашего противника в бою не определяется никакими правилами. Советская система, породившая стахановца, теперь создает красноармейца, который ожесточенно дерется даже в безвыходном положении... На том же иступлении построена советская промышленность, беспрестанно выпускающая невероятное количество вооружения. Русские сопротивляются, когда сопротивляться нет смысла». Вот как запели!

– Значит, начинают понимать, с кем имеют дело, – сказал Пушкарев.

– Выходит, так...

– Да... Но борьба только начинается. – Пушкарев встал из-за стола, подошел к двери землянки и крикнул дежурному, чтобы тот принес кипятку. – Они еще не так запоют, но поздно будет, – жестко сказал он, возвращаясь на место.

Появились котелки с кипятком, железные кружки, сухари. Началось чаепитие.

Беседа с Беляком затянулась допоздна. Встречаться часто не было возможности, поэтому пришлось за один раз обсудить многие вопросы.

Беляк поразил всех своей находчивостью, уверенностью, с которой он действовал, своими навыками подпольщика. Уже сказывалось его трехмесячное пребывание в стане врагов.

После ужина Добрынин, Костров и партизан Дымников пошли проводить Беляка. В лесу стояла непроницаемая тьма, вокруг было тихо, и только чуть-чуть шумел в листьях мелкий дождь.

– Экая темень! – передернул плечами Беляк. – Ну и глухомань! Тут сам черт ногу сломит.

– Благодать!.. – сказал Добрынин. – Люблю такую погоду. А помнишь, Карпыч, как мы с тобой ночевали около Кривого озера прошлой осенью? Вот такая же погодка была, дождичек накрапывал, а мы в шалашике, на хвое лежали... Тепло, уютно, и до чего же приятно!..

– Помню, Власыч, помню! – отозвался Беляк. – А сколько утром уток взяли? А?

– Что-то много... Удачная зорька была. Эх, времечко дорогое!.. – тяжело вздохнул комиссар.

Шли один за другим, «волчьим следом», как было принято говорить у партизан. Впереди шагал Сергей Дымников, хорошо знавший все лесные тропы.

Вскоре дождь перестал, но небо оставалось темным, беззвездным. С озера, густо заросшего камышом, потянуло прохладой. Обойдя озеро, путники вышли на большую поляну к заброшенной, ушедшей в землю избушке. Около нее устроили привал, закурили.

– Этой хатенке лет за сто, пожалуй, а все живет, – нарушил тишину Сергей Дымников.

– Тебе она знакома, Сережа? – поинтересовался Костров.

Дымников усмехнулся. Еще бы не знакома! Не одну ночь провел он в этой хатке. Отец покойник лесничим был и всюду таскал Сергея за собой. Любил отец эту избенку. Днем тут хорошо! Полянка чистая, солнечная, родничок недалеко... Тут жил когда-то объездчик. Сергей забыл его фамилию. Кулаки в двадцать девятом году убили. И его и жену топорами порубили...

– За что? – спросил Беляк.

– Коммунист он был, в раскулачивании участвовал, вот они до него и добрались...

Костров поднялся, замигал карманным фонариком и вошел в открытую дверь избушки.

Деревянный, с большими трещинами пол, облупившаяся печь, затянутые густой сеткой паутины углы. В двух оконцах сохранились стекла. Тишина. Костров погасил фонарик и несколько секунд постоял в раздумье.

– Ну, пошли, товарищи, – сказал комиссар, и Костров вышел из избушки.

Беляка проводили до леспромхоза. Дальше он пошел один. Партизаны отправились обратно.

Дымников вел комиссара и начальника разведки новым, только ему известным, ближним путем. Лес тут был буйный с непроходимыми чащами и болотами, с высокими могучими соснами, с нарядными елями.

Дымников шел и рассказывал о том, как он рос, учился.

Добрынин хорошо знал биографию юноши. Знал, что у Сергея почти одновременно умерли отец и мать и он остался один. Добрынин прекрасно помнил день, когда к нему в цех впервые пришел паренек с ясными, лучистыми глазами, с открытым, смелым лицом. «Славный хлопчик», – подумал тогда Добрынин. Перед войной Дымников работал уже художником по стеклу и очень любил свою профессию.

Кострову, человеку новому в этих краях, о Сергее, как и о многих других партизанах, было известно мало. Он с большим интересом присматривался к Дымникову и внимательно слушал его рассказ. Костров как раз подбирал людей для разведки, старался поближе узнать каждого из партизан. Ему приходилось быть придирчивым, – не все подходили к ответственной и опасной роли разведчика.

Вторую половину пути шли молча. Сказывалась усталость, – ходить лесом вообще нелегко, а ночью, да еще малоизвестными тропами, тем более. Дымников пытался было вызвать на разговор комиссара и начальника разведки, но, почувствовав, что им не до этого, смолк.

А капитан Костров находился еще под впечатлением встречи с Беляком. Правильно сказал Пушкарев, что ему в городе куда труднее, чем партизанам в лесу. Надо быть не только осторожным, осмотрительным, – надо иметь мужественное и крепкое сердце, железную выдержку. Костров убедился на личном опыте, как иногда трудно бывает сдержаться, не показать своих чувств. Вспомнилось ему, как однажды он и командир взвода Селифонов с документами полицаяв, якобы несущих службу на одной из железнодорожных станций, пробрались в город и пробыли там почти весь день.

Сейчас Костров вспомнил город таким, каким он видел его тогда, – с разбитыми окнами, разрушенными обгорелыми стенами. На перекрестках улиц фашисты уже вывесили написанные готическими буквами указатели дорог, названия ближайших населенных пунктов. Беспорывным грохочущим потоком катились на восток тяжелые тупорылые машины с военными грузами и солдатами. На бортах машин были яркими красками выведены надписи, многозначные цифры, изображения животных, птиц. Тягачи тащили пушки разных калибров. Иногда проходили, гремя и лязгая гусеницами, танки с белыми крестами.

Жители бродили по городу, опустив головы, крадучись, не узнавая знакомых. Лица у всех были настороженные, испуганные.

По городу ползли тревожные слухи: группу девушек увезли к фронту в солдатский дом терпимости; около двухсот мужчин и женщин гитлеровцы отправили в свой тыл; восемьдесят еврейских семей эсэсовцы вывезли ночью на автомашинах, будто бы в лагерь, но на утро кто-то из жителей обнаружил во рву около леса истерзанные трупы этих людей.

На безлюдной площади против собора Костров и Селифонов увидели наскоро сколоченную виселицу. Ветер раскачивал тело повешенного. На шее у него болталась дощечка с циничной надписью: «Мертвые не болтают». Селифонов попытался опознать труп, но безуспешно. Он, видимо, висел уже много дней...

– Вот мы и дома, – весело проговорил Дымников, оборвав воспоминания Кострова.

И тут же раздался требовательный окрик:

– Стой!

Назвали пропуск. Извилистой, невидимой в темноте стежкой подошли к лагерю. Показались землянки, шалаши, расставленные кругом. В центре лагеря стояла штабная землянка.

– Можно быть свободным, товарищ комиссар? – спросил Сережа.

Командир отряда Зарубин не спал. На столе, на железном противне лежали остывшие жареные грибы, картофель и плохо выпеченные пшеничные лепешки.

Положив голову на руки, Зарубин о чем-то думал и так ушел в себя, что не заметил вошедших.

«Опять тоскует», – мелькнула мысль у Добрынина, и он громко кашлянул.

Зарубин вздрогнул, словно очнулся ото сна.

– Нас ожидал? – спросил Добрынин.

– Да... да... – как-то неопределенно ответил Зарубин. – Давайте поедим.

Проголодавшись за дорогу, комиссар и начальник разведки уселись за стол и с удовольствием принялись за еду.

В соседней землянке партизаны тихо запели:

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына?

2

В последнее воскресенье ноября Беляк встал раньше, чем обычно. Затопив печь, он поставил на плиту чайник, умылся, оделся и стал ожидать друзей. На кровати Беляка безмятежно похрапывал командир взвода партизанского отряда младший лейтенант Усман Рузметов. Он пришел ночью.

Посещать город и окрестные села партизаны могли частенько, потому что в паспортном отделе управы у них был свой человек, завербованный Беляком. Он обеспечивал партизан бланками документов и готовыми пропусками, оформленными в соответствии с требованиями немецкой администрации.

Беляк смотрел в окно, выходящее на улицу.

Деревянный дом, в котором он жил, стоял в конце улицы. Одной стороной дом глядел на дорогу, другой – на выгон, подступавший к самому лесу. Принадлежал этот дом вдове прораба шпигатной фабрики, пожилой одинокой женщине, известной в городе портнихе. Беляк квартировал в ее доме уже больше десяти лет, хорошо знал хозяйку и полностью ей доверял. Она оставила себе одну, самую большую комнату, а две маленьких сдавала своему жильцу.

На улице никто не появлялся. Погода выдалась скверная, – шел дождь вперемежку со снегом. Кругом блестели лужи. Было сыро и слякотно. Порывы ветра рвали в клочья свинцовые облака.

Беляк тихо подошел к кровати и внимательно посмотрел на сладко спавшего гостя.

Рузметова Беляк знал со слов Добрынина и Пушкарева. Знал, что родом он из Узбекистана, а на фронт попал со скамьи Московского университета. На фронте его тяжело ранило в грудь навывлет. В числе других бойцов и офицеров он лечился в городском госпитале. Там он познакомился и сдружился с лейтенантом Селифоновым, лежавшим с сильными ожогами. Это были два очень не похожих друг на друга человека. Один – невысокий, худощавый, стройный, с жесткой черной шевелюрой и иссиня-черными глазами; другой – рослый, крепкий, с копной выющихся светлорусых волос, голубоглазый. Один был спокоен, другой – горяч, один – мало-разговорчив, другой – общителен и добродушен. Селифонов в армии был командиром танка, Рузметов – сапером.

Когда над городом нависла угроза оккупации, госпиталь начали эвакуировать. Селифонов, Рузметов и еще несколько раненых бойцов пожелали остаться с партизанами. С разрешения военкомата и начальника гарнизона группу раненых за неделю до сдачи города привезли в лес. Для формировавшегося партизанского отряда, остро нуждавшегося в военных специалистах, Рузметов оказался настоящей находкой. От ранения он окончательно оправился уже в партизанском лагере и сразу же после этого включился в боевую работу. Он быстро завоевал авторитет среди партизан и вскоре был избран в состав бюро подпольного окружкома партии.

Кроме всего этого, Беляк ничего не знал о Рузметове, хотя тот уже третий раз приходил в его дом. Он собирался поговорить с юношей по душам, но все не удавалось: то что-то мешало, то не хватало времени. Вот сейчас был бы удобный момент, но будить парня жалко. Беляк осторожно отошел от спящего к окну.

...Первым пришел старик Микулич и начал усердно счищать с себя грязь: он, видимо, упал по дороге. У Микулича, как всегда, были новости.

– Карпыч, ты Брынзу знаешь? – многозначительно спросил он Беляка.

– Кого, кого?..

– Брынзу.

– Нет, не привелось.

– До прихода немцев он работал оценщиком в комиссионном магазине, а сейчас вроде как директор в этом же магазине. Уж больно подозрительная морда. За ним надо приглядеть.

Он что-то говорил о тебе, а ты, получается, его и не знаешь. Я вчера забегал в комиссионку, старухино барахлишко продавал. Этот самый Брынза с какими-то двумя типами болтал и раза три твою фамилию помянул. Я подумал, не старый ли твои знакомый? Выходит, нет...

Беляк напряженно вспоминал. Память у него была хорошая, но никакого Брынзу припомнить он не мог.

– А ты зайди как-нибудь в комиссионку да погляди на него, – посоветовал Микулич. Он, кряхтя, снял с себя грязные сапоги и вынес их в переднюю, оставшись в грубых шерстяных носках. Возвратившись в комнату, старик добавил: – Я-то его давненько знаю, примелькалась его морда. Он испокон веков по ломбардам крутился.

Договорились на том, что Микулич через учителя Крупина разузнает подробно о Брынзе, а Беляк при первом удобном случае зайдет в комиссионный магазин и проверит, знакомо ли ему лицо этого человека или нет.

Вода в чайнике закипела. Беляк снял его с плиты, заварил чай, расставил на столе посуду, нарезал хлеб.

– Тимофеич запропал где-то, – сказал он. – Ну что ж, давай буди Усмана.

Рузметов спал крепко, безмятежно, как спят только люди молодые и здоровые. Когда Микулич растолкал его, Усман долго не мог прийти в себя, не понимая, где он и что с ним, и спросонья чему-то улыбаясь. Удивленно посмотрев заспанными глазами на Беляка и Микулича, он сладко потянулся, зевнул и полез в карман за кисетом.

– Ну и крепок ты, видать, на сон! – покачал головой Микулич. – Еле растолкал. Бормочешь что-то, а глаза ровно склеенные. – Усман почесал затылок.

– Очень хороший сон был, – сказал он и причмокнул языком. – Редкий сон! Большая комната, в коврах вся, и кушанья разные: арбузы, дыни, виноград, груши. Я все пробую и никак не наемся.

Беляк и Микулич рассмеялись.

– Сколько времени? – поинтересовался Усман, вертя сигарку.

– Времени немного, половина девятого, – ответил Беляк, – а вставать пора. Иди умойся. – Он бросил на руки Усману полотенце.

Рузметов положил на стол скрученную сигарку, отвернул ворот гимнастерки, засучил рукава и только собирался выйти в переднюю, как оттуда ввалился, прихрамывая, грязный и мокрый Иван Тимофеевич Бакланов.

Усман посторонился, укоризненно покачал головой и пошел умываться.

– Ну и погодка, будь она трижды проклята! – проворчал вместо приветствия Бакланов. – Я разоблачусь полностью, Дмитрий Карпович, если разрешишь. У тебя, кажется, тепло и согреться можно.

– Раздевайся и накинь мой полушубок, – предложил Беляк.

Бакланов, сутулый, сильно хромающий на левую ногу, с хмурым, худым и обычно небритым лицом, с первого взгляда производил впечатление злого, желчного, всегда чем-то недовольного человека. На самом деле он отличался добротой, любил поболтать, пошутить. Сняв с себя промокший до нитки легонький плащ и пиджак и повесив их на заслонку, прямо над плитой, он принялся стягивать, по примеру Микулича, мокрые брезентовые сапоги. Микулич снял со стены меховой полушубок, накинул его на плечи Бакланова и с укором сказал:

– И где тебя только носило, непутевого?

– Где!.. Где!.. – передразнил его Бакланов. – Ведь завтра же вечером эта собачья свадьба, а Расторгуев насел на душу: достань водки – и конец. Не найдешь водки – давай самогону, немцы, мол, и самогон дуют. А его где взять? Бродил весь день по городу, во все дырки заглядывал, нигде даже и самогонного духу не слышно. Придется у партизан занимать. – Он рассмеялся и посмотрел на Рузметова, тщательно утирающегося полотенцем. – Как, выручите, ребята?

– Нет, – коротко ответил Усман. – Сами бедноваты.

– Жаль, жаль... – опечалился Бакланов, – неплохо бы в довершение всего партизанской водкой им губы помочить.

– Ну, ладно, пора за стол, – скомандовал Беляк. – А то снова разогревать придется.

...Беляк затеял большое дело. Такое большое, что подпольщикам пришлось обратиться за помощью к партизанскому отряду. Вскоре после своего вступления в должность заместитель бургомистра Чернявский вызвал в управу бывшего торговца и спекулянта старика Расторгуева и предложил ему организовать восстановление самой большой в городе гостиницы. Здание гостиницы во время бомбежки города было подожжено, сильно обгорело и требовало ремонта. Чернявский пообещал помочь деньгами, материалами, рабочей силой. Расторгуев сообразил, что тут можно нажиться, и согласился. Решено было капитально отремонтировать гостиницу, открыть ресторан на двести человек, набрать оркестр. Чернявский собрался поставить дело на широкую ногу. Предполагалось, что русским будет разрешено пользоваться рестораном до десяти вечера, а немцам – до утра. Заместитель бургомистра предупредил, что во всех сорока двух номерах гостиницы останавливаться будут только проверенные лица с направлениями от комендатуры и управы. Расторгуеву помимо доходов от гостиницы Чернявский обещал твердый месячный оклад.

Взявшись за дело, Расторгуев вспомнил, что недавно он повстречал на улице хромого Бакланова, который в течение нескольких лет, вплоть до самой войны, был директором ресторана гостиницы. Старого дельца осенила мысль взять Бакланова на работу.

Осторожный Расторгуев сам не хотел решать этого вопроса, а предварительно посоветовался с Чернявским. Заместитель бургомистра, прежде чем дать согласие, учинил проверку и нашел, что человек он вполне подходящий.

Чернявскому доложили, что в двадцатых годах Бакланов крестил в церкви своего сына и за это был исключен из коммунистической партии.

На самом деле ничего подобного не было. Бакланов всю жизнь был беспартийным и никогда не имел детей. Сотрудники управы просто спутали Ивана Тимофеевича с его однофамильцем, действительно исключенным из партии.

Бакланова разыскали и вызвали к Расторгуеву. Произошел короткий деловой разговор.

– В Бога по-прежнему веруешь? – спросил Бакланова набожный Расторгуев.

– А как же? Без Бога ни до порога.

– Правильно, сынок! Я тоже так говорю.

Расторгуев ввел Бакланова в курс дела и, когда тот дал свое согласие, остался очень доволен. Бакланову было поручено спешно отремонтировать зал ресторана, кухню, подсобные помещения, подобрать поваров, официантов, приобрести обстановку.

Они вдвоем посетили гостиницу, осмотрели все помещения. Бакланов сразу же проявил инициативу – предложил оборудовать при ресторане несколько отдельных кабинетиков.

– Они себя полностью оправдают, поверьте моему опыту.

Расторгуеву понравилась коммерческая жилка компаньона. Он сразу выдал Бакланову половину месячного оклада и крупный аванс на необходимые расходы по ремонту.

После этого Бакланов явился к Беляку и доложил ему обо всем подробно. Тогда-то и зародилась мысль заминировать ресторан. Пушкарев, Зарубин и Добрынин одобрили этот план.

Ремонт гостиницы шел полным ходом, так как оккупанты были заинтересованы в нем: в городе не было ни одной действующей гостиницы. А взрывчатки для минирования, как назло, у партизан было мало.

По расчетам Рузметова, чтобы взорвать гостиницу, нужно было заложить не меньше восьмидесяти килограммов взрывчатки, а в отряде ее можно было наскрести всего килограммов десять-пятнадцать.

– Хорошенькое дело, – разводил руками Добрынин. – Восемьдесят килограммов! Да у нас такого количества с начала войны не было. Ты правильно рассчитал или так, на глазок, прикинул? – спрашивал он Рузметова.

– Я беру самое минимальное количество, – отвечал Усман. – А если хотите, чтобы успех был гарантирован, то надо все сто килограммов положить.

– Нет, уж ты действуй так, чтобы успех и в самом деле был гарантирован, – сказал Пушкарев. – Где восемьдесят возьмем, там и сто найдется. Я предлагаю возложить это дело целиком на Рузметова. Он командир взвода подрывников, ему и карты в руки.

Зарубин, Добрынин и Костров согласились. Не возражал и сам Рузметов: он любил решать трудные задачи.

Партизаны взвода Рузметова провели сложную и опасную работу. В лесу, в двенадцати километрах от лагеря, хранилось несколько тонн немецких авиационных бомб. Бомбы попали в руки партизан в первые дни их боевой деятельности, при налете на колонну вражеских машин. Долго ломали голову командиры, как лучше использовать эти бомбы, и вот Рузметов нашел им применение. Специально выделенные и тщательно проинструктированные люди под его руководством разряжали бомбы и выплавляли из них тол. Эта рискованная операция дала отряду около четырехсот килограммов первоклассной взрывчатки.

Готовую взрывчатку доставляли в окрестные деревни, а оттуда ее забирал и свозил в город Бакланов. Он имел от управы документ, предоставляющий ему право разъезжать по селам и заключать соглашения с крестьянами на доставку необходимых продуктов для ресторана. Пользуясь этим документом, Бакланов завозил взрывчатку прямо в гостиницу на деревенских подводах, в мешках с крупой, мукой, картофелем, овощами и прятал ее на складе.

Когда всю взрывчатку перебросили в город и надо было приступить к минированию, Рузметов заявил, что ему придется лично осмотреть гостиницу.

Зарубин возражал против поездки Рузметова в город.

Запротестовал и Добрынин. Но Рузметов настаивал.

– Это не машину рвать, не железную дорогу, а целое здание... Зачем передоверять дело кому-то другому, когда лучше всего я сам могу все выполнить. Сорвется операция – с кого спрашивать будете?

– С тебя, батенька мой, – вмешался Пушкарев. – Во-первых, ты подрывник, во-вторых, член бюро окружкома. Вдвойне и спросим.

– Так в чем же дело? – возмутился Рузметов. – Что я за командир и член бюро, если могу только издали руководить? Нельзя так, неправильно! И дело провалим, и людей загубим. Я должен хоть раз побывать на месте.

Пушкарев нахмурился:

– Командир не обязан сам все делать, – сказал он.

– В этом-то и суть, – добавил Зарубин. – Командир должен так организовать операцию, так подобрать и расставить людей, чтобы...

– А личный пример? – прервал его Рузметов. – Зачем вы сами ходите на операции?

– Не на все, – заметил комиссар Добрынин.

– Вот именно, не на все, а на наиболее ответственные, – подхватил Рузметов.

Спор окончился в пользу Усмана. На его сторону встал Пушкарев. Рузметову разрешили посетить город, встретиться с Беляком, Баклановым и взглянуть на гостиницу.

Однажды ранним утром Рузметов подъехал на подводе к гостинице. В кармане у него лежала справка, где было сказано, что владелец ее по профессии маляр и ему разрешается работать по найму в городе.

Рузметов детально исследовал зал будущего ресторана, а после этого составил схему минирования.

Работа закипела. Сто килограммов взрывчатки уложили в пяти местах. Для этого пришлось заново переложить четыре большие, обтянутые железом, круглые печи, стоявшие по углам зала. Взрывчатку уложили под основания печей и наглухо ее замуровали. Печниками работали три партизана.

Потребовалось поднять и часть досок уже готового к окраске пола, чтобы уложить пятую порцию взрывчатки в центре ресторана.

Весь этот «ремонт», конечно, вызвал расходы, не предусмотренные сметой Расторгуева. Но Бакланов сумел доказать старику, что обойтись без этого нельзя.

– Администрация ни перед какими затратами не остановится, – смеясь, говорил он Рузметову.

Одной поездки Рузметову оказалось недостаточно. Он приезжал в город уже в третий по счету раз. Прошлый раз долго инструктировал Бакланова. Это было в самый ответственный момент – перед укладкой взрывчатки.

Бакланов к этому времени уже имел свой небольшой кабинет при гостинице с дощечкой на двери: «Директор ресторана». В этот кабинет вывели конец запального шнура и замаскировали его в одном из ящиков письменного стола.

Оставалось терпеливо ожидать заселения гостиницы и открытия ресторана. Но ждать долго не пришлось.

Когда гостиница и ресторан были отремонтированы, Расторгуев с Баклановым собирались идти с докладом к заместителю бургомистра, Чернявский сам прислал за ними. Он объявил, что в понедельник начальник гарнизона хочет дать в ресторане банкет офицерам танковой бригады, идущей к Москве.

Бакланов при этом сообщении едва не вскрикнул от радости. Получалось, что на ловца и зверь бежит.

– Не осрамитесь? – строго спросил Чернявский, обращаясь к Расторгуеву. – Все готово?

– В грязь лицом не ударим, – заверил Расторгуев. – Не беспокойтесь. Краска на полах подсохла, печи топятся третьи сутки. Штат весь налицо и обязанности свои знает.

Подсчитали, сколько надо мебели, посуды, продуктов для банкета.

Чернявский остался доволен и позвонил начальнику гарнизона, что все готово.

...И вот сегодня Рузметов и подпольщики собрались, чтобы обсудить каждую деталь операции. Завтра банкет. Такого случая упускать нельзя было.

– Если прохлопаем, – говорил Беляк, – Пушкарев нам головы пооткрутит.

– Будет завтра потеха, – потирал руки Бакланов.

– Не торопись, – заметил Микулич. – «Гоп» скажешь, когда перепрыгнешь.

– Перепрыгнем, старина! Непременно перепрыгнем! – уверял Бакланов.

– Довольно, товарищи, – строго объявил Рузметов, вставая из-за стола. – Время не ждет.

Приступим к делу.

Рузметов вооружился куском запального шнура, спичками и начал показывать Бакланову, как надо обрезать конец шнура, прикладывать к нему спичку, как зажигать.

– Самое главное, Иван Тимофеевич, не торопись, – предупреждал он. – Учти, что ошибка в таком деле кончается смертью. Запомни: после того как ты запалишь конец, в твоём распоряжении до взрыва остается девяносто секунд, то есть полторы минуты. За полторы минуты нормальным шагом ты уйдешь за сто пятьдесят – двести метров. Понял?

– Ну, как же не понять, ведь в который раз уже повторяем, – жалобным тоном ответил Бакланов.

– В следующий раз мы без тебя, Усман, обойдемся, сами подрывать будем, – сказал Беляк. – Верно, Иван Тимофеевич?

– Определенно обойдемся. Все науки превзошли. Бакланов рассказал, что подготовка к банкету идет вовсю.

– Дым коромыслом стоит. Джаз пиликает, тренируются, аж голову ломит. Еле-еле собрал этих музыкантов. Понавезли посуды, продуктов горы. Комендант прислал своих поваров-немцев. Прислуживать будут тоже немцы. Номера приказали пока не заселять. Вход на банкет только по специальным билетам за подписью начальника гарнизона. А ковров и гардин каких понатаסקали! Жаль, пропадут... – горевал Бакланов.

– А что с ними станется? – заметит Микулич. – Это же не посуда!

Рузметов улыбнулся, но ничего не сказал. Он-то знал, что «станется» и с коврами и с гитлеровцами.

Беляк передал Бакланову распоряжение штаба – сейчас же после взрыва идти на кладбище к Микуличу, а оттуда с ребятами из партизанского отряда в лес. Оставаться ему в городе нельзя. Жену свою, по указанию Беляка, Бакланов еще в четверг отправил в одну из отдаленных деревень.

Когда совсем стемнело, Бакланов пошел провожать Рузметова к лесу, где его ожидали партизаны – Дымников и Багров. Моросил мелкий дождь. Небо было до того темным, что сливалось с землей. Ни звездочки, ни огонька в окне. Мертвая тишина. Только плотный, обложной дождь монотонно шуршал. По дороге попался патруль. Немцы помигали фонариками, проверили документы и отпустили.

Попрощались на окраине города.

– Сколько тебе лет, Усман? – вдруг спросил Бакланов.

– Двадцать пять, – ответил Рузметов. – А что?

– Я так и думал. Молодой ты, а член партии уже. Я тебя просить буду, как дело это с гостиницей сотворим, дай мне рекомендацию.

– Конечно, дам, – не задумываясь, сказал Рузметов.

– Ну вот и спасибо! Теперь еще одного надо найти. Говорят, для подпольщиков и партизан достаточно двух рекомендуемых.

– Правильно, – подтвердил Усман. – И второго найдешь. А теперь иди, а то поздно. Да не забывай, о чем я говорил: конец шнура обязательно срежь наискосок и головку спички прижимай поплотнее, к самой мякоти...

– Помню, помню! Все помню, – заверил Бакланов и зашагал обратно в город.

Утром в понедельник, идя на службу в управу, Беляк, чтобы не откладывать дела и долгий ящик, решил забежать в комиссионный магазин и взглянуть на Брынзу. С собой он захватил кожаный ягдташ, с которым, бывало, ходил на охоту. Продавать его Беляк не собирался, но это было предлогом, чтобы зайти в магазин.

В комиссионном магазине, кроме продавца у прилавка и пожилого толстого мужчины за конторкой, никого не было. Подойдя к прилавку, Беляк показал ягдташ продавцу и заломил заведомо высокую цену. Продавец, молодой прыщавый парень, пожал плечами и, желая показать, что товар его не интересует, отвернулся и начал переставлять стоящие на полке дамские туфли.

– Не устраивает? – громко спросил Беляк.

– Нет! – лаконично бросил продавец через плечо.

В это время из-за конторки вылез толстяк и, тяжело отдуваясь, словно он тащил на спине мешок, приблизился к прилавку. Взяв в руки ягдташ, он осмотрел его со всех сторон, отогнул крышку, помял и даже понюхал кожу. Небольшая голова его с крупными отвислыми ушами с трудом поворачивалась на чрезмерно толстой и короткой шее. Окончив осмотр, он посоветовал придержать вещь и не продавать до времени.

– Сумка, конечно, хороша, но сейчас не в моде. Охотников и на нее, и на дичь, прямо скажем, маловато стало.

На Беляка с масляной улыбкой смотрели широко посаженные, часто мигающие, маленькие, как у хорька, глазки.

Беляк объяснил, что сумку он продает потому, что нужны деньги. В ответ толстяк спокойно изрек:

– Что такое в наше время деньги? Они уходят и приходят и стоят иногда дешевле бумаги, на которой печатаются. А вещь есть вещь. Простите, с кем имею честь?..

– Беляк.

Жидкие белесые брови толстяка взметнулись кверху, и от этого его маленький узкий лоб стал еще меньше.

– Беляк? Гм... слышан про вас. Раньше вы работали в городской библиотеке, а теперь в управе, по финансовой линии. Очень приятно... очень рад... Евсей Калистратович Брынза! – представился он и подал мясистую руку с короткими, точно обрубленными пальцами. – Это замечательно!.. Будем знакомы. А сумочку придержите.

– Что же, придется, – согласился Беляк. – Ну всего хорошего.

– Желаю успеха! Заходите, буду рад, – и Брынза проводил посетителя до дверей.

«Скользкий тип, – размышлял Беляк, идя по улице. – Что же ему от меня надо?..»

Вечером, в девять часов, заместитель бургомистра Чернявский слушал доклад Беляка о состоянии финансов в селах и районных центрах. Он пробежал глазами документы, подчеркивая толстым красным карандашом отдельные цифры, и то и дело поглядывал на свои наручные часы. Видимо, он куда-то торопился.

На нем был зеленый, военного покроя китель с белым подворотничком. Бледное лицо резко выделялось своей белизной на фоне высокой коричневой спинки кресла.

Беляк жаловался, что в деревнях не хотят брать оккупационные и имперские марки и предпочитают получать за свои продукты советскими деньгами.

Чернявский скривил тонкие бескровные губы в брезгливой улыбке.

– Понятно, понятно, – заметил он, – надеются, очевидно, на возврат советской власти. Это закономерно и естественно. Сказывается сила инерции. Помните, как не хотели брать никаких денег, кроме романовских, в семнадцатом и восемнадцатом годах, а потом ими разжигали печи и самовары? Так что явление это нестрашное. Время – лучший врач, и тут придется положиться на него. – Чернявский снова взглянул на часы и продолжал: – Если бы мы с вами сейчас могли...

Он не договорил. Раздался огромной силы взрыв, эхом отдавшийся в разных частях города. Задребезжали стекла в окнах, зазвенел стакан на горлышке графина с водой.

Чернявский вздрогнул, уронил карандаш, побледнел и немигающими глазами уставился на Беляка.

– Что это может означать? – спросил он.

– Затрудняюсь сказать... – ответил Беляк, сделав испуганное лицо.

Воцарилось молчание. Склонив набок голову, как бы ожидая нового взрыва, Чернявский напряженно вслушивался. Белая рука его, лежавшая на столе, заметно дрожала.

Тишину нарушил резкий телефонный звонок. Чернявский вздрогнул и схватил трубку.

– Да! Я! Слышал! Не знаю! Что?.. – Он приподнялся со стула. – Гостиница? Вся? Какой ужас!.. Да, да... сейчас буду... сейчас же... сию минуту... – Он бросил трубку и вышел из-за стола, потирая виски. – Вы, Беляк, – он криво усмехнулся, – спасли меня сегодня от верной смерти...

– Ничего не понимаю, господин Чернявский, – проговорил Беляк, поднимаясь со стула и поспешно складывая в папку бумаги. – Объясните.

– Вы меня со своим докладом задержали тут, – Чернявский взглянул на часы, – почти на полчаса. Я давно должен был быть в гостинице. Там офицерский вечер, и я приглашен. Но гостиница и все гости взлетели на воздух. Машину! Машину! – прокричал он дежурному и, оставив Беляка в своем кабинете, выскочил в коридор.

«Не знал я, что ты, проклятая душа, тоже приглашен туда, – подумал Беляк, быстро спускаясь по ступенькам в первый этаж. – Выходит, что действительно спас тебе жизнь».

Внутри у Беляка от радости все пело. Он сунул папку в ящик стола, надел на ходу пальто и выбежал из дома.

По улице на предельной скорости промчалась автомашина, за ней другая, третья...

Взрыв наделал много шума. Хотя немецкая администрация на эту тему не распространялась, но народ знал, что взрыв – дело рук советских патриотов. На второй день после происшествия местная газета вышла в черной рамке. В ней сообщалось о несчастном случае, повлекшем за собою безвременную смерть многих офицеров. В сквере на немецком кладбище прибавилось тридцать шесть березовых крестов. Около пятидесяти человек положили в госпиталь. Начальника гарнизона и командира танковой бригады вовсе не нашли. Трупы нескольких офицеров спешно вывезли в Германию. Туда же отправили на специальном самолете шестнадцать тяжелораненных.

Местные органы полиции, полевая жандармерия и гестапо метались в бессильной злобе, – они не могли разыскать организаторов взрыва. По городу прокатилась волна арестов. Город притих. Улицы опустели.

Иван Тимофеевич Бакланов к Микуличу не явился. Через медсестру Карецкую Беляк пытался найти Бакланова среди раненых в госпитале, но и там его не было. После взрыва никто его не видел.

– Очевидно, замешкался в здании и там погиб, – горестно говорил Беляк.

– А какой был человек!.. – сокрушался Микулич.

Беляк и Микулич сходили к тому месту, где стояла гостиница. Там лежала груда развалин. Вероятно, эти камни стали могилой Бакланова.

Это была первая потеря в рядах подпольной организации, которой руководил Беляк.

Террор в городе продолжался. На шестой день после взрыва все взрослое население согнали в городской парк. Промокшие под дождем, озябшие люди стояли в саду, тихо перешептывались, боязливо жались друг к другу. У каменной стены, где раньше был тир, зияла огромная свежевырытая яма. Около нее толпились солдаты. В двенадцать часов, разбрызгивая жидкую грязь, в парк по главной аллее въехала автомашина. Из нее вылезли комендант города, начальник гестапо и заместитель бургомистра Чернявский. Вслед за ними на своих машинах примчались чины жандармерии, эсэсовцы, гестаповцы.

– Ведут... ведут! – пронеслось по толпе, и взоры всех устремились ко входу в парк.

Арестованных вели под усиленным конвоем. Они брели прямо по лужам, полураздетые, мокрые, истерзанные. Все это были уже полумертвые люди. Впереди шли две пожилые женщины, седые волосы их были разметаны, в них запеклась кровь. Лица обреченных говорили о том, что самое страшное для них позади и близость смерти их больше не пугает: они прошли через застенки гестапо. Арестованных подвели к краю ямы. Тяжелый, глухой стон, подобно вздоху, прокатился по толпе. Комендант города майор Реут влез в кузов грузовика. Машину оцепили автоматчики. Комендант поднял руку – он хотел держать речь.

– Ахтунг! – заорал кто-то из офицеров.

Майор Реут хорошо объяснялся по-русски. Он говорил о том, что Германия и фюрер не потерпят «партизанских бандитов» на занятой немецкими войсками территории и не позволят убивать своих лучших людей.

– За смерть одного германского солдата, – выкрикнул майор, – будут умирать десять, двадцать русских! Сегодня, сейчас умрет пятьдесят человек.

Толпа молчала. Это было страшное молчание, и гитлеровцы, на которых смотрели тысячи ненавидящих глаз, чувствовали это.

Застрекотали автоматы. В толпе кто-то забился в истерике.

А наутро в разных частях города на стенах зданий, на заборах, даже у самого входа в управу появились отпечатанные на пишущей машинке листовки. Народные мстители-партизаны и советские патриоты города – предупреждали фашистских мерзавцев, что за жизнь безвинных людей, расстрелянных ими, оккупанты и их пособники скоро ответят.

«Вы способны лишь на убийство безоружных и беззащитных людей, вы бессильны перед нами, подлинными сынами и дочерьми Родины, – говорилось в партизанской листовке, – наши руки доберутся до вашего звериного горла, а ваши до нас – никогда. Смерть и проклятие фашистским захватчикам!»

Трагедия в городском парке только ожесточила сердца подпольщиков, и они еще яростнее и упорнее стали готовиться к новым боевым делам.

3

В лагерь проникали тревожные слухи. Партизаны не хотели им верить, не хотели смириться с мыслью, что враг, занявший Орел, Мценск, Плавск, накапливает сейчас силы для решительного прыжка к сердцу страны, к столице – Москве. Но проверить эти слухи не было возможности – связь с Большой землей еще отсутствовала. Отряд Зарубина не имел даже радиоприемника.

Во второй половине декабря подрывник Багров и разведчик Дымников попытались выкрасть радиоприемник у немецкого гарнизона на одном из лесных железнодорожных разъездов. Они вернулись без приемника, но привели немецкого унтер-офицера, которого схватили на разъезде.

Пойманного немца привели на допрос в штабную землянку. Допрашивал его Зарубин через начальника разведки капитана Кострова, хорошо владевшего немецким языком. Унтер вел себя нагло, вызываяюще, отказался назвать даже свою фамилию, номер части.

Зарубин нервничал, выходил из себя, обвинял Кострова в том, что тот неправильно переводит его вопросы. Спокойный, выдержанный Костров покусывал губы, краснел, пожимал плечами.

– Черт знает что получается! – возмутился Зарубин. – Неужели мы от него ничего не добьемся? Это же позор... Спроси его последний раз, будет он отвечать или не будет?

Гитлеровец ответил, что не скажет ни слова. Услышав это, Зарубин неожиданно спокойно произнес:

– Сообщи ему, что через десять минут он будет расстрелян, и объясни, что врага, который не сдастся и продолжает борьбу, мы уничтожаем.

Костров перевел слова командира.

Зарубин хотел сказать еще что-то, но вошедший партизан доложил, что прибыл посыльный из города и просит командира отряда срочно зайти в штабную землянку.

Лишь только Зарубин ушел, оставив Кострова с глазу на глаз с пленным, как унтер мгновенно изменился.

– Вы когда попали в плен? – шепотом спросил он Кострова.

Тот сначала даже опешил.

«Принимает меня за соотечественника», – блеснула догадка, и Костров тут же сочинил рассказ о том, как он попал в плен.

– А что мне делать? – не без страха в голосе спросил пленный.

– Не валять дурака, а говорить правду, – посоветовал Костров. – Ты что действительно желаешь быть расстрелянным?

Унтер неожиданно разревелся. Он не хочет умирать, он хочет жить, но говорят, что русские шадят жизнь тех, кто ведет себя мужественно, попав в их руки, и кто не выбалтывает военных тайн.

Костров рассмеялся и назвал его идиотом.

– Шутить с огнем не рекомендую. Лучше рассказывай все.

И немец рассказал. Назвал свою фамилию, номер полка, дивизии, изложил подробности своей службы, объяснил причины, заставившие его три дня просидеть на безлюдном разъезде.

Но главное заключалось не в этом. Унтер рассказал о разгроме гитлеровцев под Москвой, Ельцом, Тихвином, о провале зимнего наступления немцев. Полк, в котором он служил, потерял девяносто процентов личного состава и из-под Москвы откатился до Мценска. Командир полка попал в плен, начальник штаба застрелился. Отступая, фашисты побросали всю технику.

– Так бы и давно, – сказал Костров, когда пленный выложил все, что знал. – А немец я такой же, как ты – русский. Я советский офицер, партизан и рекомендую тебе сейчас же рассказать все командиру отряда, как рассказал мне.

Костров был очень доволен происшедшим. Кто мог думать, что его, советского офицера, пленный примет за своего земляка! Вот что означает знание языка. Недаром он изучал его в течение нескольких лет. Изучал настойчиво, упорно, ежедневно тренировался, искал случая поговорить с людьми, владеющими немецким языком, читал на немецком языке много художественной и специальной литературы.

До войны Костров был офицером запаса и преподавал немецкий язык в одной из военных академий. Когда встал вопрос об эвакуации академии в глубокий тыл, Костров высказал желание остаться за линией фронта, у партизан. Ему ответили, что такие, как он, нужны и на фронте, и отправили в разведотдел одной из армий. Но Кострова нелегко было заставить отказаться от своих планов. В конце концов командующий армией пошел навстречу его настойчивым просьбам и отпустил к партизанам.

Вступив в должность начальника разведки формируемого отряда, Костров проявил недюжинные организаторские способности и врожденный талант разведчика. Разведывательные данные, добываемые им, всегда были абсолютно точными. Но сам Костров оставался недоволен своей работой. «Чтобы наша разведка работала хорошо, еще очень много надо», – говорил он. Он настойчиво подбирал смелых разведчиков из местных жителей, сам посещал город и села, занятые противником, вербовал новых людей, расширяя свою агентурную сеть.

Зарубин вернулся в землянку примерно через полчаса, и Костров по его лицу сразу определил, что есть какие-то новости. Только присутствие пленного, видимо, мешало командиру поделиться ими.

– Все в порядке, Валентин Константинович, – сказал Костров.

– То есть?

Костров сказал, что унтер принял его за своего и выболтал много интересного.

Зарубин расхохотался.

– Что же он нашел в тебе немецкого?

– Кроме языка, вероятно, ничего.

Рассказ пленного о поражениях гитлеровских войск доставил Зарубину огромную радость. Несмотря на временные неудачи Красной армии, несмотря на провокации фашистской печати, Зарубин всем сердцем и душой чувствовал, что продвижение врага должно остановиться. Он был убежден, что гитлеровцы не войдут в Москву. Так и произошло. И эту первую волнующую весть довелось услышать из уст врага, который сам лелеял мечту побывать в столице Советского государства, который вместе с другими головорезами слепо верил утверждениям своего сумасбродного фюрера о непобедимой мощи фашистских полчищ.

– Дежурный! – громко позвал Зарубин.

Пленный испуганно вскочил с места и вытянулся. Костров сдержал улыбку.

– Отведите его на кухню, – приказал Зарубин вошедшему дежурному, – пусть топит печь и чистит картофель. В его положении это уж не так плохо. А сюда пришлите всех командиров.

Пленного увели.

Костров сел за стол и начал коротко заносить в записную книжку сведения, сообщенные немцем.

А Зарубин вышел из землянки и остановился у входа. От радостного возбуждения ему стало жарко. Он расстегнул ватную фуфайку, воротник гимнастерки и озабоченно всмотрелся в небо, запрокинув голову.

Погода, несмотря на декабрь, стояла отвратительная, – снег шел попеременно с дождем.

К землянке начали собираться командиры.

– Погодка-то, а? – сказал Зарубин подошедшему командиру взвода Бойко и вновь посмотрел на небо. Бойко неторопливо огляделся.

– Скоро мороз стукнет, товарищ капитан, – заметил он. – А старики говорят, что если земля промокнет перед зимой, то это к хорошему урожаю. Я, правда, не знаю, насколько это верно, хлебопашеством никогда не занимался.

– К урожаю? – повторил Зарубин задумчиво.

Собственно, что же здесь хорошего? Если и будет урожай, то кто его соберет? Разве он достанется советским людям?

Зарубин хотел поделиться своими мыслями с Бойко, но того уже не было – он вошел в землянку.

Наконец все собрались.

– Георгий Владимирович, – обратился Зарубин к Кострову, усаживаясь за стол, – расскажи товарищам о своем разговоре с пленным унтер-офицером. Я с этим немцем возился битый час бестолку, – пояснил он собравшимся. – Ни имени не называл своего, ни номера части. Нахально смеялся мне в лицо. А стоило мне выйти из землянки на несколько минут, как он все рассказал капитану Кострову. Объясни-ка нам, товарищ Костров, как ты с ним нашел общий язык.

Костров смущенно рассказал о своем разговоре с пленным.

Раздался дружный смех, посыпались шутки.

– Попал в немцы наш Костров. Опростоволосился господин унтер!..

– А ты ему сказал, кто ты есть на самом деле?

– А теперь расскажи о главном, – обратился Зарубин к Кострову, когда присутствующие успокоились.

Все недоуменно переглянулись. Пушкарев удивленно поднял брови. Что же это за главное?

Костров коротко изложил сообщение пленного о разгроме гитлеровских полчищ под Москвой, Тихвином, Ельцом, о провале зимнего наступления врага.

И если инцидент с пленным вызвал смех, то рассказ об успехах Красной армии встретили ликованием.

В землянке поднялся невероятный шум, раздались крики «ура», провозглашались здравницы в честь партии и Красной армии, командиры жали друг другу руки, обнимались.

Это была первая большая радость в партизанском лагере.

Шум в землянке привлек партизан. Почувяв, что произошло что-то необычайное, они быстро собрались к штабу.

Комиссар Добрынин вышел к ним и рассказал о происшедших на фронте событиях.

По всему лагерю прокатилась волна неудержимой радости.

– Смерть фашистским оккупантам!

– Ура коммунистической партии!

– Мы должны фашистам отсюда жару подбавить!

Оживленно и громко беседа, взволнованные партизаны расходились по своим землянкам и шалашам.

А в штабе уже вновь воцарилась тишина.

– Получено письмо от наших людей из города, – говорил Зарубин. – Оккупанты при содействии предателя, заместителя бургомистра Чернявского, готовятся угнать в Германию на каторгу партию советских людей. Наши подпольщики выяснили, что никто из жителей города не захотел добровольно ехать в Германию. Людей, главным образом молодежь, хватили насильно, вытаскивали из чердаков, из подвалов. Облава продолжалась неделю. Под конвоем всех задержанных согнали в каменный пакгауз на станции. Пакгауз обнесен колючей проволокой в три ряда. На днях люди будут отправлены по железной дороге в Германию. Когда именно

их отправят – неизвестно. Но об этом мы узнаем. Я прошу провести беседы во взводах и сказать партизанам, что мы постараемся сорвать фашистский замысел и спасти из рук оккупантов наших людей.

Командиры разошлись, и в землянке остались только Зарубин, Пушкарев, Добрынин и Костров.

– Письмо прислал Беляк, – пояснил Зарубин. – Он тут еще кое-что пишет.

Беляк сообщил, что дату отправки эшелона с людьми, увозимыми в Германию, он выяснить не может. Это в состоянии разведать только один человек – дорожный мастер Якимчук, оставшийся в тылу для работы в подполье. Но связь между Беляком и Якимчуком прервалась, – заболел человек, выполняющий обязанности связного. Сам же Беляк посетить Якимчука не решается. Это может привести к провалу и его, и Якимчука.

– Он правильно поступает, – заметил Пушкарев.

Зарубин кивнул. Он такого же мнения. Риск не оправдан. Надо найти возможность самим связаться с Якимчуком.

– А нам это нетрудно сделать, – сказал Добрынин и посмотрел на Кострова. – Мы имеем прямую связь с Якимчуком. Якимчук живет в железнодорожной будке, в трех километрах от станции. И нам известно, что немцы его не тронули, а оставили на прежней работе. Так, кажется, Георгий Владимирович?

Костров подтвердил. Якимчук – старый железнодорожник, он имеет связи среди рабочих и, конечно, сможет выяснить дату отправки эшелона.

– Действуй, товарищ Костров, – предложил Зарубин. – Посылал к Якимчуку надежных ребят, из разведчиков. Определи им маршрут. Посади на лучших лошадей. Сколько километров до будки?

Начальник разведки вынул из планшета карту, расстелил на столе.

– Двадцать семь километров, – сказал он.

– И очень удобно стоит будка. – Пушкарев ткнул пальцем в карту. – Недалеко от леса...

– Точно, – сказал Добрынин, – метрах в двухстах, не больше.

Костров сложил карту и пошел наряжать людей к Якимчуку.

– А теперь давайте и мне тройку ребят, – сказал Пушкарев.

Зарубин сдвинул ушанку на лоб и почесал затылок. Опять, значит, Пушкарев собирается в путь. Это командиру отряда не нравилось. Пушкарев как секретарь окружкома организовывал партийную работу не только в партизанском отряде и городе, но и в селах вокруг партизанского лагеря. Он отыскивал там верных людей, коммунистов, комсомольцев, не успевших эвакуироваться, привлекал их к работе, поручал вести пропаганду среди населения. По его заданию среди населения проводился сбор средств для помощи семьям партизан. В городе и в селах Пушкарев не раз проводил нелегальные собрания жителей.

Но Зарубину не нравилось, когда Пушкарев сам ходил по деревням. Он знал, что гестаповцы давно ждут удобного случая, чтобы схватить секретаря подпольного окружкома, что во многих селах Пушкарева подстерегает опасность. Зарубин не имел права приказывать секретарю окружкома, но как член бюро он всегда протестовал против его «прогулок» по селам и деревням.

– Ты, Иван Данилович, напрасно разгуливаешь, – сказал он Пушкареву.

Пушкарев нахмурился. Ему не нравилось, когда вмешивались в его дела.

– Я тоже такого мнения, – поддержал Добрынин.

Пушкарев хмуро взглянул на него из-под косматых бровей.

– Если я иду сам, значит, так надо. У меня дела есть. И заботы ваши вовсе неуместны, – отрезал он и стал прохаживаться по землянке.

Добрынин усмехнулся и начал крутить сигарку.

– А вот мы на очередном бюро побеседуем на эту тему, – сказал он, – и посмотрим, уместны они или неуместны. Как ты думаешь? – обратился он к Зарубину.

– Не возражаю, – ответил тот.

– Еще этого не хватало! – возмутился Пушкарев. – Вы как маленькие дети. Честное слово! Вы думаете, что мои обязанности заключаются в том, чтобы руководить, сидя вот здесь, в лесу.

– В твоём распоряжении есть коммунисты, – бросил Зарубин.

– Ну и что? – спросил Пушкарев.

– Это твоя армия...

– Хм... А как посмотрят партизаны, например, на тебя, Валентин Константинович, если ты никогда сам не будешь водить их на боевые операции? А? Что они скажут о тебе? Что они подумают о таком командире?

– Я – дело другое, – сказал Зарубин.

– Я – тоже другое, – возразил Пушкарев. – Что это за партийный руководитель, которого народ и в лицо не видел? Нет, друзья, вы не правы. И бюро вам скажет то же самое. Многолетняя борьба нашей партии, жизнь ее вождей учит нас другому. Подумаешь, товарищу Пушкареву опасно-де появляться в народе, это, мол, связано с угрозой для его бесценной жизни! Скажите, пожалуйста! Нет, давайте не будем заниматься глупостями и прекратим раз и навсегда подобные дискуссии. Лучше подумаем, кто со мной пойдет. Уйду я на недельку, не больше. Возьму, во-первых, деда Макуху, – его никто не заменит. А остальных двух выделяйте по своему усмотрению.

... Через час две группы покинули лагерь. В одну сторону отправились верхами посыльные к Якимчуку, в другую – Пушкарев в сопровождении трех партизан.

Погода не улучшалась. По-прежнему стоял густой туман, падал снег попеременно с дождем. На проселочных и лесных дорогах стояла невылазная грязь.

– И куда его только понесло? – сказал Зарубин, когда коренастая фигура Пушкарева скрылась из виду. – До чего же беспокойный человек! И этого старика Макуху все таскает с собой. Замучил его окончательно.

– Ну, это ты брось, – возразил Добрынин. – Макуха сам кого угодно замучит. У него энергии, что у молодого. Они друг другу под стать. Что Иван Данилович, что Макуха. Оба неугомонные.

– Кстати, Федор Власович, кем был до войны дедушка Макуха? – спросил Зарубин, входя в землянку. – Ведь ты его давно знаешь?

– Командиру положено знать своих солдат, – подмигнул Добрынин. – А такого, как дед Макуха, тем более. Преинтересный человек!..

Добрынин с удовольствием принялся рассказывать о дед Макухе. Знает он его давно. Макуха – старый кадровый рабочий, стеклодув. Вместе они работали на стекольном заводе. Года за два до войны Макуха похоронил свою жену. Она тоже работала на заводе – вахтером в проходной. Была у них единственная дочь, дали они ей образование, она стала инженером-химиком, вышла замуж. В начале войны она погибла вместе с мужем от немецкой бомбы.

Макухе предлагали эвакуироваться вместе с заводом, но он наотрез отказался. Заявил, что будет партизанить. Переубедить его в чем-либо очень трудно. Если что вбил в голову – сделает по-своему.

Плохо только, что Макуха не учился и остался малограмотным. И нельзя сказать, чтобы он не желал учиться, – просто не клеилось у него дело с учебой. «С науками у меня разногласия», – часто говаривал сам дед.

Малограмотность, конечно, мешала ему стать передовым человеком в полном смысле этого слова. Он и сам это чувствовал. Но рабочий он был примерный и достигал многого упорством, природной смекалкой, большим опытом.

В партию Макуха вступил давно, в девятнадцатом году, а сторонником большевиков стал еще раньше, в годы Первой мировой войны, на фронте.

В семнадцатом году военно-полевой суд приговорил Макуху к расстрелу, но товарищи помогли ему бежать. Судили его за нанесение оскорбления царскому офицеру, какому-то штабс-капитану. Тот на глазах у Макухи стал избивать своего денщика, а Макуха не стерпел, вступился и основательно потрепал офицера.

В годы Гражданской войны Макуха служил в Красной армии. Белогвардейцы однажды схватили его под Ростовом при попытке пробраться в город для связи с подпольщиками. На допросе он ничего не сказал, хотя его жестоко избивали. Когда его повезли на расстрел, он бежал, на этот раз сам, безо всякой помощи, воспользовавшись тем, что его не связали.

– Вот он, значит, каков, дедушка Макуха! – сказал Зарубин, выслушав рассказ комиссара. – Теперь ясно, почему Пушкарев его постоянно с собой берет...

4

Партизаны, посланные к Якимчуку, вернулись на третий день вечером. Якимчук прислал с ними письмо, где отвечал на все вопросы. Он писал: «Эшелон готов к отправке на завтра. Состоит из двадцати семи вагонов. Первый вагон – с охраной. Солдат приблизительно человек двадцать. В трех вагонах около ста мужчин. В каждом вагоне вооруженный солдат. Дальше идут платформы, нагруженные разбитыми самолетами и танками. Машинист наш. Пароль: “Брянск”. На паровозе одна фара будет гореть даже днем. Встречайте на подъеме, за тридцатым километром. При въезде на тридцатый километр машинист даст четыре коротких гудка. Учтите, что между двадцать девятым и тридцатым километром есть бункер с немецкой охраной».

Зарубин посмотрел на часы. Стрелка подходила к девяти. Составили расчет времени. Наметили на карте маршрут движения. Потом Зарубин приказал накормить партизан и готовиться к выступлению.

...Буран, хозяйничавший в лесу двое суток, прекратился внезапно в полночь, когда отряд остановился на отдых у лесной опушки.

– Какая красота! – произнес Зарубин, оглядываясь вокруг и шумно вздыхая.

На очистившемся небе мерцали ясные звезды. Свежевыпавший снег, сухой, пушистый, покрыл толстым слоем землю, замел все дороги, тропы.

Партизаны развели костры и суетились вокруг них, подвешивая на треногах котелки со снегом. Отогревали банки с консервами. В лесную тишину ворвался шум голосов, смех. Дрожащее пламя костров тянулось вверх, с треском разбрасывая вокруг снопы искр. Отсветы огня трепетали на вороненой стали пулеметов и автоматов.

До железной дороги оставалось восемь километров.

– Можно поспать, – распорядился Зарубин.

Вокруг костров быстро вырастали постели из хвои. Командиры собрались в сторонке, возле Зарубина.

– Селифонон!

– Слушаю, – отозвался тот, подходя к Зарубину.

– Люди готовы?

– Готовы.

– Кого берешь с собой?

– Все отделение Грачева.

– Веди прямо на бункер. Надо охрану убрать без шума. Полотно разберешь после того, как пройдет нужный нам эшелон. Он будет идти с одной фарой и на тридцатом километре даст четыре коротких гудка. Проверь на всякий случай, не идут ли от бункера телефонные провода. Инструмент взял?

– Взял. Два лома, ключи и все прочее.

– Поднимай ребят и веди. Когда уберешь охрану, ко мне пришли связного.

– Все понятно.

– Действуй.

Через несколько минут группа Селифонова тронулась в путь, потянув за собой волокуши с инструментом.

– Кого ты посылаешь? – спросил Зарубин Рузметова.

– Багрова и с ним пару бойцов.

– Опять Багрова, – поморщился Зарубин.

Рузметов пояснил, что еще в лагере получил приказание выделить лучшего подрывника, а Багров и есть лучший.

Зарубин не питал симпатии к Багрову, – его пугало прошлое этого партизана, но на доводы командира взвода он не возразил.

– Ну давай его сюда, – махнув рукой, сказал он.

Рузметов побежал к одному из костров и тотчас же возвратился с Багровым. Это был партизан уже немолодой, лет под сорок, невысокий ростом, но широкоплечий и крепкий. С лица, изрезанного редкими, но глубокими морщинами, смотрели большие темно-карие глаза. Несмотря на странные обстоятельства, предшествовавшие его появлению среди партизан, он за трехмесячное пребывание в отряде показал себя бесстрашным и опытным подрывником.

Багров стоял перед командиром отряда навтыжку, как и полагается бывалому солдату. Разговор с Зарубиным был очень короткий.

– Задачу знаете?

– Так точно.

– Не сорвете дело?

– Никак нет.

– Действуйте. Желаю успеха.

Багров козырнул и, повернувшись через левое плечо, тяжело побежал по снегу.

Группе, которую возглавлял Багров, как и группе Селифонова, предстояло разобрать железнодорожное полотно. Одна из этих групп выдвинулась на север, другая на юг. Обе группы должны были приступить к работе лишь после того, как услышат четыре свистка паровоза – сигнал, что эшелон вошел в зону операции. На языке партизан это называлось «блокировкой» и предпринималось с определенной целью. На ближайших разъездах, справа и слева, немцы держали под парами бронепоезда. Надо было перед нападением на состав разобрать путь с двух сторон и этим самым лишить возможности фашистские бронепоезда оказать помощь охране эшелона.

Отправив обе группы, Зарубин посмотрел на часы: время приближалось к двум.

Партизаны лежали вповалку вокруг костров. Одни спали, другие бодрствовали, тихо беседуя о чем-то.

– Давайте и мы погреемся, – сказал Зарубин.

Вместе с Добрыниным, Костровым, Рузметовым он устроился у ближайшего костра. Партизаны подали им котелки с кипятком.

– Георгий Владимирович, – обратился Зарубин к Кострову, – а где Дымников? Что-то я его не вижу.

Костров посмотрел по сторонам.

– Спит, – ответил за него Рузметов и показал рукой. – Вон...

– Это хорошо, – сказал Зарубин, – ему досталось больше всех. Пусть хорошенько отдохнет.

Сергей Дымников спал, свернувшись калачиком, спиной к огню. Кто-то из друзей накрыл его плащ-палаткой. Он и в самом деле устал больше всех, так как шел впереди отряда, по бездорожью, глубоким, доходившим до колен снегом.

– Крепкий парень, – заметил Зарубин, беря обеими руками котелок с кипятком.

– Парень замечательный, – подтвердил Добрынин. – На отца похож. Тот, говорят, тоже был такой же горячий, неугомонный.

– Посмотрим, что день грядущий нам готовит... – сказал Зарубин. – Пока что нам везло.

– Повезет и сегодня, – отозвался Добрынин. – Нам должно обязательно везти. На то мы и партизаны.

Он выплеснул недопитый кипяток, отставил котелок и прилег, вытянув ноги к костру.

По обе стороны от него примостились Зарубин и Рузметов.

Не лег лишь Костров. Обхватив руками колени, он сосредоточенно смотрел на горящие поленья. Уж сколько времени он находится в отряде, и, кажется, пора бы привыкнуть к лише-

ниям, а он все никак не может. Вот, например, сколько раз он пытался в походе, на привале, как другие, лечь у костра и уснуть. Спят же люди! Но у него ничего не получалось. Сон не шел. И сейчас то же самое.

Отведя взгляд от огня, Костров всмотрелся в темноту. Поодаль шагали два часовых в белых маскировочных халатах. Снег поскрипывал под их ногами. Костров сладко зевнул и, подняв воротник полушубка, прилег.

Но уснуть не удалось. То мерзли пальцы на ноге, то кололо где-то в боку, то казалось, что воздух слишком холодный и именно это мешает спать. Костров прикрыл нос и рот шерстяным шарфом. Но стало трудно дышать. Он отбросил шарф. Мысли упорно лезли в голову, отгоняя сон. Вспомнился недавний разговор с Дымниковым. Костров не мог понять, какими таинственными признаками руководствовался Дымников, ведя отряд лесом по бездорожью, ночью, по глубокому, целинному снегу. Он спросил Дымникова, когда расположились на отдых: «Не раз, видно, ходил здесь?» Тот улыбнулся, стряхнул снег с ушанки и ответил: «Нет, товарищ капитан, в этом месте еще ни разу не был».

Костров был поражен. Он бы наверняка сбился с дороги. Разве что по компасу...

Да, не дается ему это искусство. Он может пройти мимо путаной строчки следа, оставленного лисой на дороге, в то время как Добрынин обязательно заметит этот след; он не обратит внимания на мох, глядя на который подрывник Багров скажет, что недалеко болото; он не увидит гроздьев рябины, усыпанных снегом, к которым на ходу уже потянулась рука Зарубина; он не сможет, как Дымников, быстро отыскать едва журчащий лесной родник, отличить на лету глухаря от тетерева или в дождь моментально разжечь костер.

Дымников или дедушка Макуха смеялись, когда кто-либо заговаривал при них о том, что в лесу можно заблудиться, а Костров при этом краснел, вспоминая, как ему однажды, в первые дни партизанской жизни, пришлось одному возвращаться в лагерь из леспромхоза. Он заблудился и не на шутку перепугался. Пришлось обращаться к карте и компасу. Он потратил на дорогу времени в три раза больше обычного. Добрынин, встретивший его у землянки, с едва заметной улыбкой спросил: «Что, на ягоды напал, Георгий Владимирович?» Костров смутился и ничего не ответил.

Послышались чьи-то шаги, и к огню быстро подошел партизан – связной из группы Селифонова.

Костров тронул рукой спящего Зарубина. Тот моментально проснулся и вскочил, будто и не спал совсем.

Связной доложил, что в основном все в порядке.

– Почему «в основном»? – спросил Зарубин.

– Грачев ранен, – ответил тот.

– Докладывай подробно, – приказал Зарубин.

– В бункере оказалось пятеро солдат, – рассказывал партизан. – Мы навалились сразу гурьбой и всех подмяли. Грачев двоих прибил, а третий вырвался и пырнул его ножом в шею, вот сюда.

– Как он сейчас?

– Не скажу точно. Когда я сюда побежал, его Селифонов с хлопцами перевязывали. Он хрипел, ругался. Его подвезут сюда на волокуше, а то оставлять там несподручно.

Добрынин нашел спящего фельдшера, растолкал его, приказал идти вместе со связным навстречу раненому Грачеву – быстрее оказать ему помощь.

– Кроме этого, все в порядке? – спросил Зарубин связного.

– Все как следует... Выбрали место, где путь разбирать. Трупы упрятали, ожидаем. Уже прошел в город один состав со снегоочистителем.

Около пяти часов Зарубин поднял отряд, приказал накинуть капюшоны маскировочных халатов и затушить костры.

Огонь забросали снегом. Вокруг сразу потемнело. Дымников, готовый тронуться в путь, стал впереди. Когда партизаны начали выстраиваться, из лесу показался фельдшер, тянувший за собой волокушу с лежащим на ней Грачевым.

– Как? – коротко спросил Зарубин.

– Кончился, – тихо ответил фельдшер и устало вздохнул. – Ему, видимо, сонную артерию повредили. Я уже не застал его в живых.

Партизаны окружили тело товарища, откинули капюшоны, сняли шапки. Зарубин опустился на колени, взял холодную руку Грачева и долго молча смотрел на его застывшее, залепленное снегом лицо.

Ему вспомнилось заседание бюро окружкома, когда разбирали поведение Грачева, вспомнилось, как обещал Грачев исправить свою ошибку, искупить вину. И вот его уже не стало. Он погиб при выполнении боевого задания.

Высвободив из-под головы покойника капюшон, красный от крови, Зарубин закрыл ему лицо и встал.

– Бойко, – негромко сказал он командиру взвода. – Выделите двух человек... Пусть отвезут Грачева в лагерь и не хоронят до нашего возвращения. А мы, товарищи, – вперед.

Начинало светать. Предутренний мороз крепчал. Партизаны лежали на снегу, зарывшись в сугробах, по обе стороны железнодорожного полотна. В белых халатах они были почти неотличимы от снега. Дули на озябшие руки, подергивали и постукивали костеневшими ногами.

Добрынин лежал у самой стены леса, метрах в сорока от дороги, и поглядывал в бинокль. Зарубин сказал, что скапливаться всем у полотна не следует и что кому-то надо наблюдать издали за всем участком операции. Комиссар не стал возражать.

Сам Зарубин с капитаном Костровым сидел на корточках поодаль от полотна, за штабелем полусгнивших, заметенных снегом шпал. На шпалах ничком лежали два партизана-наблюдателя.

– Ну и прохватывает!.. – пожаловался один.

– Да, мороз, что надо, правильный, – согласился второй. – Ты нос потри снегом, а то он у тебя завтра отвалится. Какой из тебя будет партизан без носа!

Партизан с побелевшим носом уже хотел выполнить совет товарища, но вдруг, взглянув на полотно, приглушенно вскрикнул:

– О! Гляди!

Вдали, в предрассветной мгле смутно забелел свет.

Ветер дул навстречу составу, и шума его движения не было слышно. Партизан, заметивший поезд, быстро скатился со штабеля и, крикнув от холода, бойко доложил:

– Показался, товарищ капитан. Ползет. Определенно он. С одной фарой на левой стороне. Сейчас погреемся, а то, кажется, у меня печенка уже замерзла, – и, похлопывая руками, он принялся вытанцовывать на месте.

Зарубин и Костров надвинули капюшоны, поднялись и стали наблюдать.

Тишину прорезали четыре коротких, тревожных свистка паровоза. Уже явственно доносился шум приближающегося поезда.

Зарубин энергично толкнул в бок Кострова и коротко бросил:

– Давай!

Костров, пригнувшись, спустился в канаву. Тотчас от снега отделилось несколько белых фигур с ломami, клещами, веревками. Они подползли к полотну, и закипела работа.

Остальные, забыв о холоде, приникли к земле в ожидании команды.

Преодолевая крутой подъем, начинавшийся на тридцатом километре, состав тянулся так медленно, что можно было, идя шагом, не отстать от него. Он был уже весь на виду.

Паровоз натужно пыхтел. Вот он миновал контрольный столб, въехал на место, где рельсы только что освободили от креплений, и вдруг, загрохотав по шпалам, остановился, окутанный клубами пара.

– Вперед, товарищи! – громко крикнул Зарубин и с автоматом в руках бросился к паровозу.

С обеих сторон полотно с криками: «Ура!», «За Родину!» – устремились к составу партизаны.

Из паровозной будки один за другим вылетели вниз головой два человека в зеленых немецких шинелях. Глухо ударившись о землю, они остались недвижимы. Вслед за тем выпрыгнул машинист. Набирая пригоршнями снег, он стал обтирать руки.

– Пароль! – потребовал Зарубин, приближаясь к нему.

– «Брянск!» – ответил тот. – Видишь вот, двух «помощников» сразу ухлопал. – И добавил: – Привет от Якимчука.

Затрещали пулеметы, автоматы. Лес наполнился грохотом, криками, стрельбой. Вагон с охраной расстреляли в упор из ручных пулеметов. Потом в окно швырнули несколько противотанковых гранат. Взрыв! Горбом встала крыша, вылетела дверь. Подрывники Рузметова торопливо закладывали взрывчатку под колеса и котел паровоза.

– В топку бы, в топку... – советовал машинист.

– Людей выводите, людей, прямо в лес, – раздавался голос Зарубина.

Из вагонов выскакивали люди. Они бежали к лесу с узлами, мешками, чемоданами, еще не отдавая себе ясного отчета в том, что произошло.

– Поберегись! – крикнул Рузметов, отбегая от паровоза.

Грохнул взрыв, в воздух полетели куски железа. Паровоз накренился набок, постоял так мгновенье, как бы в раздумье, и повалился под откос.

– Гитлер капут! – объявил Дымников.

– Прекратить огонь! – раздалась команда Зарубина. – Печки из вагонов на волокуши! Поджигайте состав – и все к лесу!

Печки выбрасывали в снег, из вагонов полз густой черный дым. Из-за поворота дороги показалась группа Селифонова. Партизаны собирались у леса, разговаривали с освобожденными. Кое-кто нашел уже знакомых.

... Народу прибавилось, и на обратном пути хвост партизанской колонны терялся где-то в изломах лесной дороги. Пройдя быстрым маршем километров десять, Зарубин остановил отряд и приказал построить освобожденных людей. Подсчитали. Оказалось девяносто шесть человек.

– Куда вас везли, вы все сами знаете, – обратился к ним Зарубин. – Теперь слово за вами. Кто хочет домой – пожалуйста. В полукилометре отсюда – шоссе, ведущее в город. А кто хочет драться с фашистами...

Ему не дали договорить, зашумели.

– Все хотим. Все!

– Спасибо, товарищи партизаны!

– С вами пойдём!

– А кто хочет драться с фашистами, – продолжал Зарубин, – и быть партизаном, ко мне шагом марш!

Колебаний не было. Все устремились к Зарубину. Многорукая толпа подхватила его, и он вместе с автоматом мгновенно оказался в воздухе. Дружное «ура» огласило лес, перекатилось эхом. Когда Зарубина опустили на землю, он сказал, поправляя ушанку и улыбаясь:

– Ну что ж! Будем считать, что нашего полку прибыло. Перекур пятнадцать минут!

В канун Нового, сорок второго, года комиссар отряда Добрынин возвращался один в лагерь с передовой заставы.

Пройдя девять километров, Добрынин не чувствовал никакой усталости и шагал так же бодро и ровно, как и при выходе из лагеря.

Последний день декабря выдался на редкость ясный, морозный. Снег блестел под солнцем так, что глазам было больно. Зима как бы наверстывала упущенное вначале, – мороз крепчал и крепчал.

Умолкли ручейки, улетели беспокойные разноголосые птицы, не слышно под ногами шелеста валежника. Лес спал под снегом, точно зачарованный, как в сказке. Застыли в зимней спячке обнаженные лиственные деревья, и лишь огромные сосны да пушистые ели красуются своим зеленым нарядом.

Добрынин любил свой край, эти западные леса. Он не представлял себе жизни без леса. Что может быть лучше, чем бродить по такому лесу с ружьем за плечами, часами сидеть у чистой заводи, всей грудью вдыхать лесной воздух, насыщенный запахами хвои и папоротника, любоваться ивой, окунающей свои ветви в тихую воду реки, и радоваться набежавшему невесть откуда ветерку, вздувшему мелкую рябь на зеркальной поверхности!

А ночи! Ночи, проведенные в лесу, в наскоро раскинутом шалаше или под открытым небом! Что может быть лучше?!

По твердому убеждению Добрынина, каждая ночь, проведенная в лесу, удлиняла жизнь человека по меньшей мере на месяц. И комиссар часто говорил партизанам: «Мы должны быть самыми здоровыми людьми. Лес от всех болезней лечит».

Добрынин вышел на просеку, ведущую к лагерю, уверенно обошел мины, поставленные Рузметовым еще осенью, и, взглянув на часы, вспомнил, что сегодня решено встретить Новый год.

Правда, это будет необычная встреча. Никто не подымет традиционного бокала, – пить нечего, да и с закуской бедно, но собраться решили обязательно. Надо в теплой боевой семье, в товарищеской обстановке оглянуться назад, на пройденный путь, заглянуть вперед, в новый грядущий год. Поговорить о делах, о людях.

Новый год отметят и на заставе, с которой возвращался Добрынин. Там партизаны дежурили по десять человек, сменяясь каждую неделю. Большая, глубоко сидящая в земле и тщательно замаскированная землянка давала возможность собраться всем партизанам заставы сразу.

«Пошлю туда Бойко, – решил про себя Добрынин. – Пусть поговорит с народом. А у нас надо будет поручить кому-нибудь из командиров беседу провести. Придется посоветоваться с Зарубиным».

...А в это время Зарубин, заложив руки в карманы стеганых ватных брюк, расхаживал по землянке от стены к стене, изредка останавливаясь и поглядывая на лежащую на столе карту. В просторной штабной землянке стояли большой стол и два широких топчана, на которых попарно спали Пушкарев и Добрынин, Зарубин и Костров. Была еще одна землянка, более вместительная, «окружкомовская», но в ней стоял только стол, а топчанов не было, и никто там не жил. Землянка предназначалась для заседаний бюро.

Зарубин с полчаса тому назад отпустил Рузметова и сейчас находился под впечатлением его доклада. Командир подрывников два дня провел в отдельном взводе, которым теперь командовал Толочко. Зарубина поразила обстоятельность доклада Рузметова, его подход к событиям, людям, четкий анализ боевой деятельности взвода, смелость в постановке новых боевых задач, знание обстановки.

«Вот тебе и младший лейтенант! – размышлял Зарубин. – Откуда он набрался всего этого? Так в пору рассуждать служилому, образованному командиру. Вот как растут люди в наше время. Ему взвода сейчас мало. Определенно мало».

«А что, если сейчас поговорить с ним самим? – мелькнула у Зарубина мысль. – Пусть скажет: удовлетворяет его командование взводом или нет?»

Землянка, в которой жили Рузметов, Багров и еще четверо подрывников, находилась на краю лагеря. Железная труба, торчавшая из-под снега, не дымила, и когда Зарубин переступил порог землянки, там было так же холодно, как и снаружи. Командир отряда вспомнил, что все люди Рузметова ушли на задание и топить некому.

Рузметов спал на низких нарах, натянув на голову трофейную немецкую шинель.
«Не стоит будить, – решил Зарубин. – Устал. Путь у него был долгий и опасный».

Его внимание привлекла раскрытая записная книжка, лежащая на крохотном квадратном столике.

Зарубин подошел, машинально взял ее в руки и стал перелистывать.

«У ребят Селифонова автоматы грязные. Рубашки на гранатах поржавели. Надо подсказать».

«Передовую заставу лучше вынести из просеки, – увеличится обзор».

«Старик Макуха очень интересен, беседы с ним доставляют удовольствие. Он прикидывается простачком, но умен и хитер».

«Диверсии на железной дороге надо коренным образом перестроить. Желательно, чтобы на сорокакилометровом участке в разных местах ежедневно бывали взрывы. Поговорить с командиром отряда».

«Вынести на бюро окружкома вопрос о связи с соседними партизанскими отрядами. Варимся в собственном соку. Надо предпринять что-то решительное».

«Почему не выпускается ежедневно разведсводка для командного состава? Обсудить вопрос с Костровым».

«Не вижу смысла в том, что каждый взвод беспокоится о приобретении себе продуктов. Не лучше ли создать специальное подразделение, поставить во главе толкового командира и возложить на него заботу об обеспечении всего отряда продовольствием? Это тоже боевая работа. А совмещать диверсии на железной дороге и разведку с налетами на склады и обозы не совсем удобно. Надо бы поднять такой вопрос... Тем более что заготовительная группа не справляется со своими обязанностями».

Рузметов пошевелился, и Зарубин невольно вздрогнул. Ему стало неловко, что он залез в чужие записи. Но Усман не проснулся. Зарубин положил книжку на стол и тихо вышел. Постояв недолго около землянки и взглянув на небо – высоко ли еще солнце, – он зашагал к южной заставе.

Вернувшись в лагерь, Добрынин нашел землянку пустой. Дрова в железной печурке догорали. Примостившись на корточках против печи, он подложил несколько сухих поленьев. Огонь жадно охватил их. Печурка загудела, задрожала. От нее потянуло жаром. Приятно было после долгого пребывания на морозе ощущать на руках, на лице ласкающее тепло. Когда печка раскалилась докрасна, Добрынин поднялся, стянул с плеч стеганый ватник и подошел к столу, на котором лежала раскрытая карта. Упершись локтями в стол, комиссар склонился над ней. Все знакомо ему здесь. Вот этот кружочек обозначает лагерь. Удачное место. Здесь отряд обосновался с первых дней своего существования и надолго врос в землю крепкими, домовитыми землянками. Место Добрынин выбрал сам. Сначала отрыли восемь землянок, а теперь их уже девятнадцать, не считая трех застав. А вот поселок, где он родился. Добрынин склонил голову ниже, упорно всматриваясь в четко обозначенные кварталы, и усмехнулся. Ему хотелось найти на карте родной дом, который, возможно, и сейчас стоит на месте. Вот стекольный завод, когда-то принадлежавший купцу Шараторову. Сюда он пошел работать после двухлетней учебы в поселковой школе. В соседнем поселке у Шараторова также был завод, довелось Добрынину и на нем поработать. Прежде чем стать начальником цеха стекольного завода, Добрынин сменил множество профессий. Он в молодости слыл за непоседу и часто переезжал с места на место.

Работал мальчиком на побегушках в конторе завода, сезонником по ремонту путей на железной дороге, лесорубом, сцепщиком вагонов, сторожем на помещичьей пасеке, лесным

объездчиком. Революция застала его на заводе – он работал кочегаром в котельной. Добрынин ушел в Красную гвардию и вернулся только в двадцать втором году. Демобилизовавшись, он стал настойчиво добиваться, чтобы его послали учиться в техникум. Жажду знаний в душе молодого Добрынина заронил товарищ по фронту, впоследствии ставший видным партийным работником.

«Смотри, Федор, – предупреждал он, – время пойдет сейчас другое. Мы будем руководить государством. Ты, я и такие, как мы. Вот ты теперь коммунист, тебе доверят серьезный участок работы, а какой из тебя руководитель, когда ты читаешь по складам и еле расписываешься! Ты должен будешь других учить, а сам слепой, как котенок. Какая же от тебя польза партии, рабочему классу?»

В техникум Добрынина сразу не приняли. Он два года просидел в школе для взрослых, два года на рабфаке и лишь потом попал в техникум. В родные края он вернулся новым человеком, женился, обзавелся детьми и «прикипел» к заводу.

Добрынин перевел глаза на восточный край карты. Где-то здесь, недалеко, – линия фронта, а там за нею, в небольшом городке со странным названием – Раненбург – были теперь его жена, дочь и сын.

Теплые воспоминания охватили комиссара. Ему представилось, что он находится сейчас среди своих близких, видит ласковое лицо жены, слышит голоса детей... Он так углубился в воспоминания, что не заметил, как вошел Зарубин, и вздрогнул, когда командир отряда кашлянул.

Зарубин посмотрел на комиссара и понимающе улыбнулся.

– Ничего, комиссар, все переживем, – бодро сказал он. – Сейчас я горяченького добуду. Подживи-ка огонек. – И он, быстрый, стремительный, вышел из землянки.

Через десять минут на столе появились котелки с кипятком, хлеб, консервы. Сидя против командира отряда и осторожно прихлебывая кипяток, комиссар вдруг сказал:

– Вот что я думаю, Валентин, нет у тебя настоящего, оперативного помощника...

Зарубин поднял брови и внимательно посмотрел на Добрынина.

– Мы же не те, что были, – продолжал комиссар. – Отряд вон как разросся. И смотри, что получается: над картой думай сам, дневник составляй, план операции ты же составляешь и ты же проводишь в жизнь. Ушел на задание – оставить за себя некого. Так и закрутиться можно. Начальник штаба нам нужен. Мы самостоятельная воинская часть, так я думаю.

Не раз уже Добрынин удивлял Зарубина своей сметкой в военных делах. Не раз он подсказывал командиру ценные мысли. По совету Добрынина был создан взвод подрывников, по его предложению взвод Грачева – Толочко вывели за шоссе и железную дорогу и этим усилили контроль за обеими магистралями врага.

– Мысль хорошая, Федор Власович, – отозвался Зарубин. – И нужен именно начальник штаба, а не адъютант, не канцелярист... Но кого? Кого?

– А как ты смотришь на Рузметова? – спросил Добрынин.

Зарубин широко раскрыл глаза, вышел из-за стола и рассмеялся.

– Чего тебя разобрало? – добродушно проворчал Добрынин.

Зарубин подошел к комиссару и обнял его за плечи.

– Интересно получилось. Ведь я сегодня о том же думал. А ты меня опередил.

Зарубин рассказал об обстоятельном докладе Рузметова, о записях в его полевой книжке.

– Конечно, его надо выдвигать, – подхватил Добрынин. – Бывает же так в жизни: человек вырос из своего костюма – и брючонки уже выше щиколотки поднялись и рукава короткие, а сам он этого не замечает – привык. Ну, а со стороны видно, что пора новый костюм готовить. Так и с Усманом. Я думаю, что не ошибемся. Подготовка у него хорошая – два курса вуза...

– Я тоже думаю, Федор Власович, что не ошибемся, – согласился Зарубин.

Ночью, после встречи Нового года, вновь поднялся разговор об организации типографии и выпуске подпольной газеты. Этот вопрос был предметом постоянных споров на каждом собрании. Особенно беспокоился по этому поводу секретарь окружкома Пушкарев. Он не мог смириться с мыслью, что отряд и подпольная организация города не в состоянии наладить выпуск газеты.

– Какие же мы партизаны и подпольщики! – с возмущением говорил он Зарубину, Добрынину и секретарю парторганизации – командиру взвода Бойко. – На своей земле, в своем городе не можем газету выпустить.

Спокойный, рассудительный Добрынин пытался доказать, что выпуск газеты – вещь не такая простая, как кажется.

– Одно дело – поставить задачу, а другое – осуществить ее.

– Ты, батенька мой, ерунду городишь, – кипятился Пушкарев. – Что это, невыполнимая задача, что ли? Мы, большевики, таких задач перед собой не ставим. Мы ставим такие, которые можно и нужно выполнить.

Добрынин умолкал. Он прекрасно понимал, как нужна газета, но отдавал себе отчет и в том, какие трудности надо преодолеть. Кроме Найденова, бывшего наборщика, сейчас работающего в городе с Беляком, у партизан никого, знающего типографское дело, не было. Да и у Найденова опыт в полиграфическом деле невелик, и он не может дать совета, что именно надо приобрести, с чего надо начать, чтобы сдвинуть с мертвой точки «типографскую проблему».

Добрынин и Бойко собирали командиров взводов, коммунистов, комсомольцев, поручали им побеседовать с народом и выявить всех, кто имел хотя бы какое-нибудь отношение к печатному делу. Но таких не оказалось.

Когда страсти немного успокоились, спор утих и все уже собирались ложиться спать, кто за дверями попросил разрешения войти.

– Можно! – громко сказал Зарубин.

Вошел Рузметов. Он был в шинели, накинутой на плечи.

Пушкарев вопросительно уставился на позднего гостя.

– Я по делу зашел, – пояснил Рузметов. – Советую поговорить насчет типографии с командиром отделения Багровым.

Все насторожились.

– Вот тебе новое дело! – рассмеялся капитан Зарубин. – Оказывается, Багров не только подрывник, связист, разведчик, но еще и печатник. Он у тебя, Рузметов, просто феномен какой-то!

– Никак нет, товарищ капитан, – спокойно возразил Рузметов. – Он не печатник, но думаю, что поговорить с ним надо.

– Давай! Веди его сюда! Сейчас же веди! – вскочив с топчана, загорячился Пушкарев. – Сам буду говорить с ним, а вы не мешайте.

Колючие глаза его заблестели из-под косматых бровей, он забегал по землянке, и в ней сразу стало как-то тесно.

Рузметов привел Багрова. Тот козырнул и поздоровался.

– Садись и рассказывай, чем можешь помочь, – предложил Пушкарев. Он уселся рядом с Багровым и положил свою руку на его колено.

Багров сообщил, что сам он в типографском деле ничего не смыслит, но в городе живет его тесть, около пятидесяти лет проработавший в типографиях Минска, Смоленска, Брянска. Старик ушел на пенсию в сороковом году из-за ревматизма.

– Он большой специалист, честный человек и может быть полезен в нашем деле, – закончил Багров.

– Сколько же ему лет? – недоверчиво спросил Зарубин.

– Да, пожалуй, около семидесяти.

Зарубин присвистнул и лег на топчан, закинув руки за голову.

– Но он дело свое хорошо знает. Настоящий профессор, – добавил Багров.

Пушкарев косо взглянул на Зарубина, некстати вмешавшегося в разговор, и обратился к Багрову:

– Где он живет?

– Живет все время в рабочем поселке, в своем домишке. Куда ему деваться?

Багров вызвался пробраться в город, повидаться и переговорить со стариком.

– Ну, ладно, иди отдыхай, а мы посоветуемся, – сказал Пушкарев, отпуская Багрова.

Поднялся спор: связывать ли Багрова с Беляком или поручить ему самому вести переговоры с тестем? Зарубин возражал против вовлечения в это дело Беляка. Остальные считали, что связать их необходимо. Так и решили.

– Ты не прав, товарищ Зарубин, – сказал Пушкарев, укладываясь на топчан. – Я верю Багрову и считаю, что он нас не подведет. Письмо к Беляку я напишу сам.

– Ладно, посмотрим, – буркнул Зарубин и повернулся лицом к стене.

5

Только в конце января при содействии Беляка удалось организовать поездку Багрова в город. Багров направился в деревню Гряды и недалеко от нее встретился с Беляком. Тот приехал в деревню по делам управы и привез Багрову документы, с которыми можно было появиться в городе.

Багров, со своей стороны, передал ему письмо Пушкарева, в котором тот просил Беляка познакомиться и переговорить с тестем Багрова, проверить его и обо всем подробно уведомить бюро окружкома.

В город они въехали часа в четыре дня на одной подводе, как «попутчики». Беляк показал Багрову свою квартиру и отпустил его, договорившись встретиться вечером.

Часам к восьми за столом у Беляка собрались Багров, Найденов и Микулич. На случай, если появится непрощеный гость, на столе перед ними лежали карты и стояла тарелочка с деньгами.

– Твой тесть – местный? – спросил Беляк.

– Нет, он родом из-под Орла – из города Кромы. Но в наших краях уже давно живет.

– Как его звать?

– Михаил Павлович Кудрин.

– Кудрин? – переспросил Найденов.

Выяснилось, что Найденов хорошо знает тестя Багрова. Они около трех лет работали вместе в типографии, в Минске.

– Как же, как же, знаю! – сказал Найденов. – Стоящий у тебя тесть. Хороший человек и большой знаток дела. Давненько я его не видел. Сыны-то где у него?

Багров рассказал, что оба сына старика находятся на той стороне, за фронтом, и Кудрин живет вдвоем с женой.

Выяснилось также, что домишко Кудрина находится совсем недалеко от квартиры Беляка.

– А придет он сюда, если позовешь? – спросил Беляк.

– Придет, – заверил Багров. – Он меня уважает. Да и предупредил я его: сказал, что предстоит серьезный разговор.

– Ну и перепугал старика, – ворчливо заметил Микулич.

– Он не из пугливых, – бросил Багров.

– Правильно, – подтвердил Найденов, – в пятом году в каталажке насиделся. Видел старик виды. Его на испуг не возьмешь.

– Ну, а ты кто же будешь, как сроднился с Куприным, как попал в партизаны? – поинтересовался Беляк. – Расскажи-ка.

Пришлось Багрову, уже в который раз за последние три месяца, рассказывать подробно о себе. Тяжело было обо всем этом говорить, но нужно. Багров понимал, что он имеет дело с честными и суровыми людьми, которые ежедневно, ежечасно ставят свою жизнь на карту. Тут недомолвок быть не должно. Тут надо было выложить все без утайки, начистоту. Эти люди, прежде чем действовать сообща с ним, должны знать его и верить ему.

– Хвалиться мне нечем. Прощтрафился я перед советской властью и перед всеми, – тяжело вздохнув, начал Багров и опустил голову. – На фронт я не гожа оказался, не взяли меня. Хоть и силы у меня во! – И он сжал кулаки. Его могучая грудь, широкие плечи и большие, сильные, немного неуклюжие руки свидетельствовали о долгих годах физического труда. – Да и лета не вышли, еще не стар. Но грыжа меня измучила. Три раза резали. Я всю жизнь бревна грузил в лесхозе да на лесозаводе – там и нажил грыжу. Ну вот и послали вместо фронта окопы рыть под Брянск, а я оттуда и удрал. Дезертировал. Сбил меня с пути один сволочной тип.

Попадись он мне сейчас, вывернул бы я его наизнанку... Ну, да и сам я оказался с червоточинкой...

История Багрова была такова. В Брянске он узнал, что немцы подходят к его родным местам. Произошло это в момент посадки в поезд, шедший на станцию Унечу. На Унече люди должны были выгрузиться и начать земляные работы. В вагоне подсел к Багрову малоприметный пожилой человек в поношенной фетровой шляпе, с большой шишкой ниже левого уха. Познакомились, разговорились. Сосед рассказал, что немцы распускают колхозы в захваченных ими районах.

– И могу заверить вас, – шептал он захлебываясь, – что не пропадем и без колхозов.

Они сидели на нижних местах. Окна были замаскированы, и в переполненном вагоне стояла духота. Резкие запахи человеческого пота и табачного дыма стойко держались в воздухе. Единственная свеча, тускло освещавшая вагон, догорела, потрескала немного и погасла. Стало темно.

– Вы понаблюдайте, какая кругом неразбериха, паника, – продолжал сосед. – Словно Содом и Гоморра, а война-то ведь лишь два месяца как началась.

Он настойчиво доказывал, что советский фронт лопнул по всем швам, что германская армия движется неудержимо, что сопротивляться нет смысла да и невозможно.

– А что немцы захватили, того они никогда не отдадут, – уверял попутчик. – В этом будьте уверены. Я вот не пойму, куда и зачем бегут мирные жители? Чего они этим хотят достигнуть? Бросают насиженные углы, хозяйство, имущество, несутся очертя голову куда-то на Урал, в Сибирь, в Среднюю Азию. Я бы хотел спросить: кто их там ожидает? Кому они нужны? Ну, я понимаю, коммунисты, комсомольцы бегут, – с этими у немцев разговор короткий. А вот рабочие, колхозники, рядовые служащие, зачем им бежать?.. Непонятно. Непостижимо. Наслушались сказок о зверствах и потеряли рассудок. Что касается меня, то уж извините... Дураков нет. Бросать жену, детей или тащить их куда-то с собой не собираюсь. Жил неплохо, а жить буду еще лучше...

В Унече Багров не явился на сборный пункт, а направился в сторону дома, на запад.

Первая его встреча с немцами произошла в маленькой деревеньке, в пятнадцати километрах от родного села. Багров заночевал у старика-колхозника, а когда проснулся, в деревне были гитлеровцы.

Перепуганный старик запихивал что-то в мешок, собираясь бежать в лес, и звал с собой Багрова. Тот отказался. Коль скоро он возвращался в родные места, куда уже пришли немцы, то зачем же бежать от них? Надо было знакомиться. Он быстро поднялся с полу, натянул сапоги и вышел во двор. Три здоровых солдата с расстегнутыми воротниками кителей, потные и запыленные, входили с улицы во двор.

– Хальт! – рявкнул один из них, и все трое направили на Багрова автоматы.

Багров не понял, что от него требуют, сказал на всякий случай «здравствуйте» и подал паспорт. Солдат, не обратив никакого внимания на документ, тычком ударил Багрова в лицо. Тот покачнулся, но устоял. Только в голове загудело, запрыгали искры перед глазами.

– Сволочь! Русиш! – крикнул фашист и теперь уже с маху ударил Багрова по лицу раз, другой, третий.

Багров упал и очнулся, когда солдаты уже ушли.

К родному селу, где жили жена Марфа и шестнадцатилетняя дочь Аня, Багров подошел на седьмые сутки поздней лунной ночью. В селе стояла глубокая тишина, поразившая его. Ни лая собак, ни крика петухов. Оставалось пройти сосновый перелесок, подняться на пригорок, а с него все село было как на ладони. Багров перевел дух, посмотрел кругом, легко взбежал на пригорок – и остановился. Он хотел крикнуть, но голоса не было и горло сдавили спазмы; хотел двинуться, но ноги точно вросли в землю и отказались идти. Села не было, оно сгорело. Багров со стоном опустился на землю. Он посидел так несколько минут, глядя немигающими

глазами на пепелище. Исчезло более двухсот дворов, остались груды пепла, да, как могильные памятники, стояли кирпичные печи с устремленными вверх длинными шеями дымоходов. Только справа, под черной стеной леса, белели две-три уцелевшие избышки.

Тяжело поднявшись и покачиваясь, он побрел к уцелевшим домам. По пути он пытался отыскать глазами хотя бы следы своего дома, но огонь сделал неузнаваемым даже само место, где стояло село.

В избе, к которой Багров приблизился, было очень тихо. Он толкнул дверь и шагнул в темноту. Послышались шорохи, шепот. В комнате стояла духота. Кто-то чиркнул спичкой и зажег коптилку. Багров огляделся. Изба, состоявшая из одной комнаты, была битком набита женщинами и детьми. Они спали на полу, на скамьях, на печи, на единственной кровати. Негде было даже повернуться, сделать шаг, и Багрову пришлось стоять у входа не двигаясь.

Женщины рассказали, что село сожгли эсэсовцы дней двенадцать назад. Жена и дочь Багрова ушли в леспромхоз.

Багров облегченно вздохнул и, не чувствуя уже никакой усталости, зашагал дальше.

В леспромхоз немцы редко заглядывали, им там нечего было делать. Все население леспромхоза состояло из полусотни человек, преимущественно женщин. Делами здесь вершил назначенный немцами староста Полищук, которому перевалило за шестой десяток. Собственно говоря, и дела-то все его сводились к заготовке и вывозке дров в город по нарядам управы. У Полищука были два помощника – полицаи, дезертиры из Красной армии. Трудно сказать, как повел бы себя дальше староста, если бы партизаны не взяли под контроль его деятельность. На второй день после назначения Полищука старостой около его дома в сумерки появились пять верховых. Двое слезли с коней и смело вошли в дом, трое остались с лошадьми. Никого из вошедших Полищук не знал. Произошел очень короткий разговор.

– Мы партизаны! – отрекомендовался один из гостей.

Полищук вздрогнул, но ничего не сказал.

– Нам известно, что ты не по доброй воле согласился быть старостой, – тебя назначили помимо твоего желания. Но коль уж ты стал старостой, слушай наши условия: делай свое дело, но людей не обижай. Загубишь хоть одного советского человека, записывай себя в покойники...

– Что вы, что вы, товарищи! – замахал руками Полищук и, бледный, опустился на скамью.

– Смотри! – строго предупредил гость. – Был до этого честным человеком, будь таким до конца. Не продай свою совесть. Мы тут хозяева, а не немцы. Понял?

Полищук испуганно закивал головой.

– Вот и все!

Партизаны исчезли так же внезапно, как и появились.

Это были начальник разведки Костров и командир взвода Рузметов со своими подрывниками. Заехали они сюда неспроста. В леспромхозе жила Анастасия Васильевна Солоненко, истопник, вдова сторожа леспромхоза. Она оказывала большие услуги партизанам с первого дня борьбы. Через нее поддерживалась связь с городом и, в частности, с Беляком. Анастасию Васильевну надо было сохранить во что бы то ни стало.

Полищук доводился Багрову дальним родственником, и когда к нему прибежали из сгоревшего села Марфа и Аня, он приютил их и определил жить в пустовавшую избушку. Марфа пошла, как и все женщины леспромхоза, работать на заготовке дров, а Аня устроилась в городе и жила у деда – Михаила Павловича Кудрина. Там их и застал Багров. Сам он тоже пристроился в леспромхозе. Работы всем хватало, жизнь как будто налаживалась.

Но вот в конце сентября произошло событие, окончательно решившее судьбу Багрова.

Как-то вечером из города неожиданно приехала на попутной крестьянской подводе Аня. Бросившись к отцу на шею, вся в слезах, она рассказала, что ее хотят угнать на работу в Германию.

Всполошилась и мать.

Багров пытался успокоить жену и дочь, хотя сам волновался не менее их.

– Все обойдется, – говорил он. – Уехала, и хорошо. Живи тут. Не будут они за тобой гоняться.

На всякий случай он пошел к Полищуку и рассказал обо всем.

Староста забрал повестку, которая обязывала Анну явиться на сборный пункт, и сказал, что уладит все через управу.

Прошли спокойно ночь и день, а в сумерки второго дня к дому старосты подкатили на телеге двое солдат. Один не стал слезать с подводы, а другой, поговорив о чем-то с Полищуком, вместе с ним направился к избе Багрова. Первым вошел солдат, а вслед за ним Полищук. Староста стал за спиной фашиста и развел руками, давая понять, что он бессилен чем-нибудь помочь. Гитлеровец осмотрелся и, увидев Анюту, заговорил на ломаном русском языке:

– Барышня! Марш! Фьютъ! – и он жестом руки предложил следовать за ним.

Анна стояла в углу неподвижно, сложив руки на груди.

– Марш! – крикнул солдат и, шагнув к девушке, схватил ее за руки.

– Не пойду... не поеду... ни за что... умру лучше, – рыдала, вырываясь, Анна, а фашист тянул ее к двери.

Вмешалась мать. Худошавая, сухонькая, ростом не больше дочери, она вцепилась в гитлеровца и запричитала во весь голос.

Обозленный фашист громко выругался, высвободил руку и с силой толкнул Марфу в грудь. Та глухо охнула, отлетела в сторону и, падая, с силой стукнулась головой об угол печи. Распластавшись на полу, она вздрогнула и замерла. Из рта струйками побежала кровь.

Озадаченный гитлеровец подошел ближе и, упершись руками в колени, стал смотреть на неподвижную женщину, не зная что предпринять.

– Мама! Мамочка! – дико вскрикнула Анна и повалилась на мертвую мать.

У Багрова, сидевшего в оцепенении на кровати, кровь застыла в жилах. Смертельно бледный, он тихо поднялся, схватил стоявший у стены колун с длинной рукояткой и с полного взмаха, обеими руками, как колют полено, опустил его сзади на голову убийцы.

Отбросив колун в сторону, он медленно повел вокруг налитыми кровью глазами, схватил дочь за руку и выбежал с ней из избы, сбив с ног стоявшего у порога старосту... Так он оказался в отряде.

– Вот теперь я весь перед вами, – тихо закончил рассказ Багров. Несколько мгновений царило молчание.

– Ну и как тебя приняли партизаны? – спросил Микулич.

– Я рассказал все, как на исповеди, комиссару Добрынину, а он заявил, что спрос с меня вдвое больше, чем с любого партизана. Я принял это как должное.

Багров не знал, что Зарубин долго возражал против зачисления его в отряд и спорил по этому поводу с Добрыниным. Только вмешательство Пушкарева помогло решить вопрос в пользу Багрова. Когда месяц спустя Рузметов предложил назначить Багрова командиром отделения в его взводе, Зарубин тоже был против, несмотря на то что Багров уже имел в это время на своем счету шестнадцать убитых немцев, три подорванных моста и две сожженные автомашины. Лишь после того как Багров по заданию Кострова пробрался в леспромхоз и заставил активно работать на партизан не только старосту, но и двух его помощников-полицаяев, Зарубин подписал наконец приказ о назначении его командиром отделения.

– Где сейчас дочь? – спросил Беляк.

– В отряде, санитаркой... В разведку все просится...

– А как же староста выкрутился у немцев? – поинтересовался Микулич.

– Хорошо выкрутился, – усмехнулся Багров, и лицо его немного оживилось. – Старик он оказался сметливый, понял, что если следы останутся, петли ему не миновать. Взял да и прибил

второго фашиста. А потом погрузил обоих на телегу, сел, да и за мной по дороге. Догнал. Вот мы с дочкой и прикатили к партизанам на подводе и с двумя гитлеровцами. Правда, долго блукали по лесу, но потом наскочили на партизан.

– Староста сейчас не виляет, работает? – спросил Найденев.

– Работает, – вместо Багрова ответил Беляк. – Он даже продуктами помогает отряду. Молодец старик! Ну что ж, бывает... всяко бывает, – как бы считая вопрос исчерпанным, заключил он. – Зовут тебя как?

– Герасим.

– Так вот, Герасим, главное, что ты осознал, что поступил плохо. Голова у тебя на плечах есть, силенка тоже, злобы к фашистам, поди, накопилось. – Беляк пытливо взглянул своими темными глазами в глаза Багрова. – Насолили они тебе здорово, а потому будешь крепко драться... А теперь иди-ка за тестем, а то мы и так долго засиделись.

Багров встал.

– Через четверть часа приведу.

Когда дверь за Багровым закрылась, первым заговорил Найденев:

– Вот это мужик! Побольше бы таких. У Добрынина глаз наметан, недаром он за него уцепился. Хороший парень!..

Беляк задержал свой взгляд на Найденеве, и тот смолк.

– Чудной ты человек, Андрей Степанович, – заметил Беляк. – Все тебе хороши, и сразу ты делаешь окончательные выводы. В таких делах нельзя торопиться. Время покажет. Поработаем – увидим.

Найденев мотнул головой, улыбнулся.

– Слабость у меня такая к людям, Дмитрий Карпович, люблю я их...

– Я тоже люблю, но надо знать, кого любить и за что...

– Это ты, пожалуй, прав, – согласился Найденев.

Андрей Степанович Найденев, в прошлом наборщик типографии, а перед войной слесарь авторемонтных мастерских, занимался сейчас ремонтом примусов и керосинок, чтобы прокормить себя и жену. Всем сердцем преданный делу, дисциплинированный подпольщик, он удивлял Беляка своим неразборчивым отношением к людям. Во всех он видел честных советских патриотов, считал, что каждого из горожан можно привлечь к работе подполья.

Беляк, наоборот, привык тщательно присматриваться к людям. Он не раз напоминал Найденеву, что работа подпольщика требует особого, крайне осторожного подхода к каждому человеку.

Поднявшись со стула и поправив маскировку на окне, он подошел к Найденеву и спросил:

– Ты видел кинокартину «Ленин в восемнадцатом году»?

– Видел, и не раз, – ответил Найденев. – Стоящая картина! Я ее себе вот как сейчас представляю. – И он показал ладонь.

– Я о ней вспомнил потому, – продолжал Беляк, – что ты сказал «хороший парень». А помнишь, когда Максим Горький пришел к товарищу Ленину ходатайствовать, кажется, насчет какого-то профессора и на вопрос Ленина, что он за человек, ответил: «Хороший человек». Ну-ка, вспомни, что ему сказал Владимир Ильич насчет слова «хороший»?

– Помню, помню, Дмитрий Карпович, – закивал головой Найденев.

– То-то и оно! Я тоже всегда помню. «Хороший – понятие растяжимое и неопределенное». – Беляк помолчал немного. – Герасим мне тоже нравится, – продолжал он. – Мужик неглупый, и хорошо, что себя перед нами вывернул наизнанку. А характеристику мы ему дадим попозднее и по заслугам. Вот, кажется, он опять жалуется, – закончил Беляк, услышав шум шагов и голоса в передней.

Открылась дверь, вошел Багров, а следом за ним его тесть. Это был высокий, худой, опиравшийся на костыль старик, с лицом бледным, изможденным, исчерченным глубокими мор-

щинами. Глаза его, сохранившие живость, светло-голубые и добрые, выдавали в нем хорошего, прямого человека. На нем было поношенное пальто на вате с потертым каракулевым воротником, низенькая шапчонка из какого-то рыжего меха.

– С того времени, как под немцем живу, первый раз на свет божий вылез, – объявил старик, переступив порог и тяжело шагая к стулу. – Фу! Устал. А может, это к добру. А? – Он улыбнулся. – Ну, здравствуйте, добрые люди!

Голос у него был сильный, не по-стариковски звонкий, и если бы кто-нибудь услышал его из другой комнаты, непременно сказал бы, что этот голос принадлежит молодому человеку.

От располагающей улыбки старика и его простого приветствия сразу пропало напряжение, которое всегда сопровождает первые минуты знакомства.

Беляк помог гостю снять пальто и усадил его поближе к печке.

– Ну что ж, начнем с биографии, – рассмеялся старик коротким звонким смешком. – Герасим говорит, что обязательно придется выложить всю родословную. А?

Все от души рассмеялись шутке гостя, а он, на секунду задумавшись, опустил седую голову и уже серьезно продолжал:

– Кудрин я, Михаил Павлович Кудрин. Мне семьдесят лет. Пятьдесят три года провел в типографии... Знаю все секреты печатного дела. И вон его, – он кивнул в сторону Найденова, – Андрея знаю. Напрасно ты, Степаныч, бросил печатное дело. Напрасно. Я вот, например, скажу. Да и вообще печатники – передовой народ, что и говорить... О себе еще могу сказать... есть у меня два сына, и оба коммунисты. Хорошие хлопцы, в ладу мы жили. Один, старшой, на Дальнем Востоке – пограничник, другой – в Саратове, на заводе работал. Семейные оба. Внучат мы имеем со старухой, а вот дочку Герасим не уберег. – И он покачал головой.

Багров сидел хмурый, опустив голову, и смотрел сосредоточенно в одну точку. Невольно вспомнилась ему маленькая, всегда тихая Марфа, с которой он прожил семнадцать лет, никогда не ссорившись. Вспомнилась такой, какой он видел ее в те сентябрьские сумерки, последний раз, на полу, с прикрытыми глазами, со струйками крови, разбегающимися от головы по полу. Багров закрыл глаза, скрипнул зубами, потом, вздохнув, сильно тряхнул головой.

Беляк решил говорить с Куприным прямо, без обиняков. Все равно старик сразу поймет, к чему клонится дело. Недоверие могло только обидеть его.

– Вся надежда на вас, Михаил Павлович, – сказал Беляк. – Помогите, посоветуйте, как нам организовать типографию. Позарез нужна...

– Так... так... – Кудрин задумчиво улыбнулся и подергал рукой седой ус. – Вот зачем вам старик понадобился? Значит, прямо из архива да в дело. Одобряю! Правильно! Это моему. Я уж почуял – что-то затевается, когда меня Герасим в гости стал звать... Ну что ж, давайте потолкуем. При желании все можно организовать, не только типографию. Не такие дела вершили в свое время...

– Молодые были, Павлыч, молодые, – вставил Найденов, – а сейчас старики.

– Не согласен, – объявил Кудрин и решительно замотал головой. – Не согласен, Андрей Степанович. Не в годах дело. Кто имеет дух и силенку, тот всегда молод. До самой смерти. Вы, я вижу, тоже все не пионеры, а вот затеваете что-то и меня вытащили. Так что возраст тут ни при чем...

Разговор принял деловой характер. Желая знать, какую типографию хочет иметь окружком, Кудрин задавал множество вопросов, но на большинство из них ни Беляк, ни Найденов, ни другие не могли ответить. Они знали только, что окружком решил выпускать подпольную газету и листовки. Хорошо, что хоть Беляк, со слов Пушкарева, знал, какого формата газету предполагается печатать.

Куприн попросил дать ему два-три дня для того, чтобы «пораскинуть мозгами». Он обещал набросать перечень всего необходимого для будущей подпольной типографии.

Договорились, что через три дня Беляк сам зайдет на квартиру к Кудрину. Тот заверил, что дом его совершенно безопасен и никого, кроме жены, не будет.

Уже в полночь Беляк проводил гостей. Остался только Микулич. Ему надо было доложить о результатах проверки владельца комиссионного магазина Брынзы.

– Предательская душа, – сказал Микулич. – Он ходит по вечерам на квартиру к немцу, обер-лейтенанту Бергеру, а тот служит в гестапо. Три раза был и сидел у него чуть не по часу. Теперь ясно, что это за птица.

В противоположность Найденову Микулич был очень осторожный и хитрый человек, с врожденными качествами конспиратора. Он обладал, по мнению Беляка, каким-то пятым чувством, позволяющим ему разгадывать «нутро» каждого человека. С виду малоприметный, тихий и даже будто рассеянный, он интересовался всем происходящим вокруг. Раз поговорив с человеком, он составлял о нем свое определенное мнение, которое потом ему было очень трудно изменить. Он все слышал, все примечал, запоминал, обдумывал. Кто-либо другой на месте Микулича, возможно, и не придавал бы никакого значения тому факту, что в его присутствии называли фамилию Беляка. Что тут особенного? Мало ли кто может знать человека, живущего в городе полтора десятка лет? Нельзя же придавать каждой мелочи важное значение. А Микулич сразу насторожился. Сердце подсказало ему, что к Брынзе надо присмотреться.

Его сообщение встревожило Беляка. Проводив Микулича, он улегся на кровать, но долго не мог заснуть.

«В чем дело? – думал он. – Чего надо от меня этому типу? Почему он так любезно со мной разговаривал? С кем он мог беседовать обо мне? Кто эти два типа, о которых говорил Микулич?»

Можно было предположить всякое. Двое неизвестных могли быть сотрудниками управы и посетить Брынзу в связи со взиманием с него налога. В управе все знали Беляка.

«Надо выяснить завтра, кто имеет касательство к комиссионному магазину, – решил Беляк. – Может быть, это прольет какой-нибудь свет...»

Заснул он уже под утро, окончательно измученный мрачными мыслями и предположениями, и спал чутко, беспокойно.

С утра шел ровный, сухой снег, смягчивший крепкий мороз, державшийся больше недели. К вечеру, когда Беляк возвращался из управы домой, погода изменилась. Холодные снежинки щекотали лицо, вызывая у Беляка тревожное, волнующее чувство. Каждый раз, как только снег покрывал землю, он вспоминал родную Сибирь, где провел свою юность. Вот так же засыпаны улицы, такие же снежные шапки торчат на трубах, так же воробьи копошатся на мостовой в поисках пищи. Прошло уже немало лет с тех пор, как Беляк перебрался в здешние края, но о Сибири он вспоминал часто.

Сблизившись на подпольной боевой работе с Микуличем, Беляк нередко делился с ним воспоминаниями, рассказывал о своих молодых годах, когда он партизанил в Сибири в отряде дедушки Каландарашвили, знакомил старика с обычаями людей сурового севера. «Ты бы посмотрел, где я родился и вырос, – говорил он вдохновенно. – Представь себе реку, такую, как Днепр, да еще и пошире. Один берег высокий, крутой, и на нем, у самого обрыва, прилеплась деревенька в одну улицу. Небольшая деревенька, чистенькая, домики один в один, точно орешки. Тайга стеной подходит к ней, теснит и, кажется, готова столкнуть ее в воду. Наша изба стояла у самого края деревни, вплотную к лесу и отличалась от других. Сложил ее мой дед своими руками по-старинному, с углами, срубленными не в лапу, а в чашу. К летней избе пришел зимнюю. Там такой порядок. И вот встанешь, бывало, осенью до света, возьмешь ружьишко – и в тайгу. Тишина, безветрие. Чувствуешь каждой жилкой, как дышит тайга. Любил я наблюдать рассвет. Дед меня приучил к этому. Он говорил, что человек, не видевший восхода солнца, никогда не будет иметь в жизни счастья. Вот выберусь, бывало, я на полянку и поджидаю солнышко, а кругом тайга непроходимая, мохнатая. Сосны в три-четыре обхвата, черноплечие

красавицы лиственницы, густолапые ели, пушистый кедр, нежные березки, заросли таежные. А зверя и птицы там, а рыбы в реках!.. Ну, как не любить такую сторону! Как ее забыть!»

Шагая по городу, Беляк мечтал: «Хорошо бы сейчас зайчишку потревожить или тетерку подкараулить!» И вздыхал: не до охоты пока.

После обеда Беляк хотел, по обычаю, прилечь на часок, отдохнуть, но в дверь кто-то громко постучался. Он вышел в переднюю, отбросил крючок – и едва не вскрикнул от удивления. Перед ним стоял и улыбался запорошенный снегом Брынза.

Этот неожиданный визит смутил Беляка. В голове мгновенно промелькнуло множество тревожных догадок. Зачем он явился? С чьим поручением? Неужели кто-то из подпольщиков попал в поле зрения гестапо? Но кто же: Микулич, Найденов, он сам или новые друзья – Кудрин, Багров? Беляк смотрел на улыбающегося Брынзу и не знал что сказать.

Брынза, очевидно, заметил смущение хозяина и начал первым:

– А я к вам, господин Беляк. Можно?

– Прошу, – коротко ответил Беляк и пропустил в дом нежданного гостя. «Закрою дверь получше, на всякий случай», – подумал он, накинул дверной крючок, щелкнул ключом и спрятал его в карман.

Брынза быстрыми маленькими глазками оглядел комнату, потом, не спросив разрешения, прошел во вторую и, убедившись, что в квартире, кроме них двоих, никого нет, спросил:

– Обе ваши?

– Да, мои, – ответил Беляк, начиная приходить в себя. В душе он уже ругал себя за слабость и минутную растерянность.

– Замечательно! Скромно и уютно, по-холостяцки. Вы, Дмитрий Карпович, конечно, удивлены моему приходу?

– Да, удивлен немного, – ответил Беляк и подумал, что другого сейчас, пожалуй, и нельзя было сказать. – Прошу садиться.

Беляк зажег свечу в подсвечнике. Сели за стол. Освещенный свечою Брынза оказался еще более неприятным. Под глазами висели тяжелые мешки, лицо обрюзгшее, какого-то свинцового цвета, нос большой, мясистый, иссиня-багровый. «Выпить, видимо, не дурак», – подумал Беляк и спросил гостя:

– Чем могу служить?

– Видите ли, любезный Дмитрий Карпович, я буду с вами откровенен. Я в прятки играть не намерен.

Брынза показал явную осведомленность как о самом Беляке, так и о его служебных делах. Он польстил ему тем, что начальство и, в частности, заместитель бургомистра Чернявский о нем хорошего мнения. Но дело в том, что Беляк как местный человек, «абориген», – так именно и выразился Брынза, – хорошо знающий город и его округу, да к тому же и охотник, может принести еще больше пользы германскому командованию. В полной лояльности Беляка к существующему порядку он, Брынза, не сомневается, в противном случае он бы и не пришел.

Беляк начинал догадываться о цели визита. Это его успокоило окончательно, к нему вернулось обычное самообладание.

Догадки его вскоре подтвердились. После длинного предисловия Брынза предложил Беляку сотрудничать с гестапо, ссылаясь на собственный опыт, уже приобретенный им на этом поприще.

Беляк быстро оценил ситуацию и мысленно набросал для себя план действий.

– Я хочу знать, господин Брынза, от кого исходит инициатива облечь меня таким доверием? – спросил он гостя.

– Как от кого? – вопросом на вопрос ответил Брынза и сделал удивленное лицо. – Конечно, от меня.

– Кто еще знает о вашем намерении привлечь меня к такой секретной работе?

Брынза пригнулся к столу и сказал:

– Боже упаси! Никто, никто не знает и пока не должен знать.

– В таком случае я согласен, – спокойно сказал Беляк.

– А почему так, смею спросить? – поинтересовался Брынза. Ответ был уже продуман. Беляк объявил, что он не считает себя вполне подготовленным к такой серьезной роли и, пожалуй, не согласился бы принять предложение, если бы оно исходило не от самого Брынзы, а, допустим, от его начальства.

– Уж если работать, так работать, – сказал Беляк. – Начальство должно вначале получить какие-то результаты, а потом уже узнать, с кем за них надо расплачиваться. Я считаю, что лучше побыть в тени, поработать, а потом уже показаться на глаза начальству и сказать, кто ты таков. А вообще хорошо ему и вовсе не показываться. Я предпочитаю роль подпевалы, а уж вы как человек искушенный и умудренный опытом будьте запевалой.

Все это Брынзе понравилось.

– Вы знаете, Дмитрий Карпович, – произнес он, захлебываясь от радости, – у меня от этого разговора душа сразу просветлела, точно после исповеди.

– Еще одно неперемное условие, – продолжал Беляк. – Я буду помогать вам не один, а со своими приятелями, людьми вполне надежными и очень нуждающимися.

– Сколько их? – спросил Брынза.

– Двое, – ответил Беляк.

– Замечательно! Просто великолепно! Лучшего я не мог ожидать, – восторгался Брынза.

Удовлетворенный результатами беседы, он разоткровенничался и за рюмкой самогона, предложенного Беляком, кое-что выболтал.

Оказалось, что его шеф, обер-лейтенант Бергер, особо доверенный работник гестапо и непревзойденный специалист по партизанским делам.

– Он очень отзывчивый человек, – расхваливал Брынза обер-лейтенанта, – и хотя весьма требователен, но денег не жалеет и за хорошие дела расплачивается щедро.

Брынза рассказал далее, что надеется съездить в Европу – в Германию и Францию. Эту поездку ему обещал устроить Бергер.

– Экскурсия, так сказать, – пояснил Брынза. – Неплохо прокатиться по свету, себя показать и людей посмотреть. Поедем вместе с женой.

Жена у Брынзы, по его словам, была молодая, двадцати пяти лет, в то время как ему пятьдесят два.

– Но жизни ее, – похвалялся Брынза, – может позавидовать любая княгиня. В доме у меня полнейшее благополучие, всегда полно гостей, и не хватает лишь птичьего молока. Теперь, надеюсь, и вы, Дмитрий Карпович, будете моим постоянным гостем?

Беляк молча поклонился в знак согласия.

Беседа затянулась допоздна. Условились снова встретиться завтра вечером. Беляк пообещал познакомить Брынзу со своими друзьями, а Брынза должен будет ввести всех в курс предстоящих дел.

Как и в предыдущие ночи, Беляк долго не мог заснуть, но теперь уже иные мысли беспокоили его.

Следующего дня вполне хватило для того, чтобы тщательно, во всех деталях, подготовиться к встрече. В подготовке принимали участие Микулич и Багров. Последнего Беляк привлек как человека, не живущего в городе, почти никому не известного и к тому же обладавшего внушительной внешностью и недюжинной силой.

– У тебя-то хоть оружие есть? – спросил он Багрова.

Багров полез под рубаху, вытащил из-за пояса и показал парабеллум.

– Надежная штучка, – сказал он, скривив губы в улыбке. – Но в городе я больше доверяю кулакам.

– Вполне одобряю, – согласился Беляк. – Но на всякий случай неплохо иметь и «штучку».

– А если он будет кочевряжиться? – поинтересовался Микулич. – Тогда что?

– Тогда и решим, – коротко ответил Беляк и, немного подумав, добавил: – Мы, конечно, рискуем. Мы рассчитываем на то, что Брынза никого не посвятил в переговоры со мной, а если об этом известно третьему лицу, тогда...

– Да, это наше слабое место, – буркнул Микулич.

– Ничего, братцы, – бодро заметил Багров, – партизанам без риска нельзя работать. Кому же тогда и рисковать!

День пробежал незаметно, особенно для Беляка, занятого на службе. Не успел он, придя домой, пообедать, как появился Брынза.

– Вот и я, – объявил он и, уже как старый приятель, фамильярно похлопал Беляка по плечу. – Вы готовы?

Беляк, не торопясь, стал собираться. Ему незачем было спешить, он, наоборот, хотел, чтобы темнота сгустилась.

Пока Дмитрий Карпович убирал со стола посуду, обувался и одевался, Брынза расхаживал по квартире, приглядывался к картинам, висящим на стенах, шупал скатерть, занавески и что-то мычал себе под нос.

Микулич и Багров ожидали их в кладбищенской сторожке и нервничали, хотя и старались этого не показать друг другу. Они поочередно косились на «ходики», посматривали в оконце и старались говорить о вещах, не имеющих никакого отношения к тому, что должно было произойти с минуты на минуту.

Наконец появились Беляк и Брынза.

– Вот и друзья, о которых я вам говорил, Евсей Калистратович, – представил Беляк Микулича и Багрова, – знакомьтесь и раздевайтесь. Уж здесь нам никто не помешает поговорить по душам. – И он подмигнул Микуличу.

Тот вышел из сторожки. Следовало проверить, на месте ли Найденов, которому поручено вести наблюдение за входом на кладбище. Через несколько минут Микулич возвратился. Уселись за стол и приступили к делу.

– Мы должны оформить нашу договоренность документально, – предупредил друзей Брынза, и физиономия его расплылась в улыбке.

Никто не возражал, но Беляк попросил рассказать вначале о задачах, стоящих перед ними. Брынза согласился.

Он начал пространно объяснять, что именно интересует гестапо, в частности, обер-лейтенанта Бергера. Все сводилось к выявлению активных советских патриотов, ведущих борьбу против оккупантов. Брынза подчеркнул, что не все лица привлекают внимание Бергера. Те, например, которые только ругают гитлеровцев и этим ограничиваются, – а таких, по мнению самого Бергера, очень много, – его совершенно не интересуют. Они в данное время не опасны. А вот сведения о лицах, ведущих активную борьбу против нового порядка, господину Бергеру очень нужны.

– Если бы мы с вами, – полушепотом проговорил Брынза, – смогли добраться до тех, кто организовал взрыв гостиницы, Бергер нас озолотил бы.

Микулич заерзал на стуле. Беляк пристально посмотрел на него, и он успокоился.

Наибольший интерес для Бергера представляли, оказывается, партизаны. Они виновники всех бед.

– Вылавливать их не так уж и трудно, – сказал Брынза, – необходимо только желание и терпение.

– Почему же он их не ловит, если нетрудно? – с ухмылкой спросил Беляк. – Не из таких, видно, партизаны, в руки не даются. А?

Брынза сделал протестующий жест. Он относил партизан к числу трусов, способных лишь прятаться по лесам, по норам.

– Они там, в лесу, с голоду подышают, – энергично жестикулируя, уверял Брынза, – и если бы не вожаки-коммунисты, их можно на кусок хлеба, как на приманку, всех выудить. Да, да... Я-то уж знаю. Пусть вот сюда в город они пожалуют, кишка тонка!..

– А вы думаете, тут их нет? – спросил Беляк, едва сдерживая смех. Ему захотелось посмотреть, какое будет выражение лица у Брынзы через несколько секунд.

– Что вы! Пх! – Брынза замахал руками.

– А за кого же вы нас принимаете – меня, моих друзей? – спросил Беляк и сделал знак Микуличу. Тот поднялся и встал у двери, опершись о косяк и заложив ногу за ногу.

– Как? Я что-то не понял?.. – удивленно спросил Брынза.

Беляк повторил вопрос.

– Шутник вы, господин Беляк! – хихикнул Брынза. Он обвел всех взглядом, потер пухлой белой рукой лоб, и тут вдруг его маленькие глазки провалились куда-то вглубь и стали еще меньше.

– Руки вверх! – приказал Беляк подымаясь. – Обыщи его, Герасим.

Насмерть перепуганный Брынза поднял дрожащие руки.

Багров тщательно обшарил его карманы и поочередно передал Беляку: бельгийский пистолет, записную книжку со множеством занесенных в нее адресов и фамилий, исписанный лист бумаги, ключи от магазина.

Беляк перелистал книжку и покачал головой, затем прочел содержание бумажки. В ней шла речь о женщине – жительнице города, которую якобы навещают подозрительные люди.

Брынзу допросили. Он рассказал, что на службу к гестаповцам пошел добровольно, сразу же после прихода оккупантов в город, и работал у них под кличкой «Викинг», что выдал много советских людей, получив за это кучу денег и подарков.

Беляк решил вернуться к вопросу, который поднял вчера, в начале беседы с Брынзой. Он считал, что сегодня Брынза должен сказать правду, так как заинтересован в своем спасении.

– Кто тебя подослал ко мне? – обратился он к Брынзе.

– Никто... никто... по собственной инициативе... – залепетал тот.

– Кто знает о твоих сношениях с нами?

– Никто... никто...

– Как «никто»? – спросил Микулич, угрожающе надвигаясь на предателя. – А откуда тебе стало известно, что Беляк работает в управе?

Брынза потер рукой лоб, силясь вспомнить, и выпалил:

– Так мне рассказал об этом помощник господина... э... товарища Беляка, фининспектор Прохорчук... Он частенько бывает в магазине... по части налога.

Прохорчук действительно работал вместе с Беляком. Беляк посмотрел на Микулича и продолжал допрос:

– А что Прохорчук мог рассказать обо мне?

– Он говорил, что при желании вы можете налог уменьшить.

– Кому ты сказал, что отправился ко мне?

– Никому... ни одной душе.

Беляк попросил Микулича дать ручку, чернила и лист бумаги. Все это было приготовлено уже заранее и тотчас появилось на столе.

– Пиши то, что я буду диктовать, – приказал Беляк. – Ясно?

– Ничего мне не ясно... Я все рассказал... Писать ничего не буду, – запротестовал было Брынза.

– Будешь! – прикрикнул Багров. – Пиши!

Брынза взял ручку, обмакнул ее в чернила и вдруг завизжал во весь голос:

– Не могу!.. Не буду... Я все рассказал... Вы отвечать будете... Я жить хочу...

– Пиши, не доводи до зла, – грозно предупредил Багров.

Лицо Брынзы покрылось испариной. Он снова обмакнул перо и начал писать под диктовку Беляка. Лицо его то бледнело, то краснело. Окончив писать, он взглянул на Беляка глазами, налитыми животным страхом, и поставил внизу свою подпись.

– Не все, – покачал головой Беляк. – Тебя в гестапо больше знают как «Викинга». Напиши и это разбойничье слово. Вот так! Теперь давай сюда. Посмотрим, как выглядит твой диктант. – И он медленно прочел вслух:

«Господин обер-лейтенант Бергер! Мне стало не по себе. Уж больно много сделал я пакостей на земле, на которой родился, и просит она меня досрочно к себе. Совесть мучает меня. Тени погубленных мною безвинных людей преследуют меня по ночам и не дают покоя. Не хочу больше болтаться по свету. Мое последнее предупреждение – не верьте коменданту города майору Реуту. Я знаю много про него, но уношу все с собой в могилу. Он продает вас. Поверьте покойнику. Я не говорил о нем, опасаясь, что мне не поверят. Вот и все. До счастливого свидания на том свете. Надеюсь, что оно не за горами. Брынза (Викинг)».

– Как будто ничего, – заключил Беляк.

Письмо уложили в конверт, запечатали. Брынза написал адрес: «Обер-лейтенанту Бергеру. В собственные руки».

– А теперь пойдем в комиссионный магазин, – объявил Беляк. – Это ключи от него?

Брынза проямлил что-то, кивнув головой.

– Пойдешь посередине, между нами, – предупредил Багров, – и будем о чем-нибудь мирно разговаривать... А если что-нибудь взбредет тебе в голову, фантазия какая-нибудь, прощайся со своей душой. Понял? Пошли.

Наутро по городу поползли слухи, что директор комиссионного магазина покончил жизнь самоубийством. Его нашли повесившимся в магазине. На прилавке лежало письмо, адресованное обер-лейтенанту Бергеру.

6

Секретарь окружка Пушкарев и начальник разведки Костров сидели в предбаннике в ожидании своей очереди. Жарко горела маленькая железная печурка. Когда порывы ветра на секунду приоткрывали узкую дощатую дверь предбанника, дым из печурки валил клубами, лез в глаза. Второй день стояла непогода, – опять хозяйничала вьюга, частый гость в этих краях.

Во второй комнате, то есть в самой бане, мылась группа партизан. Шум голосов, плеск воды, шутки и одобрителное покрывание моющихся явственно слышались за бревенчатой стеной.

Сережа Дымников доказывал кому-то, что в лесу партизанам немецкие минометы не страшны.

– Да я не про то говорю, – возражал кто-то. – Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему. Я говорю, минометы страшны на передовой, на фронте, а ты ведь там не был.

– А тут тебе не фронт?

– Тут особая статья.

– Ну, это правильно, что особая, – согласился Сережка. – А мины я тоже видел. Мне довелось мост охранять, когда наши отходили. Наши обозы только на мост вкатились, а немцы давай мины пускать. Одна совсем рядом со мной упала. Дня три после этого ничего не слышал. Мины на фронте – это правильно...

– Вот видишь!.. Про то я и говорю, – успокоился его собеседник.

Дымников пришел в лес, когда немцы были уже в городе. В качестве бойца истребительного батальона он вместе с другими прикрывал отход частей Красной армии и участвовал в подрыве моста. Сережа гордился тем, что до прихода в отряд был уже «обстрелян», первые дни важничал и в разговоре с молодыми партизанами бросал: «Ты еще, милок, пороху не нюхал, а уже болтаешь». На молодежь это производило впечатление, а старики посмеивались. Авторитет Сережи возрос еще больше после того, как они с комиссаром Добрыниным первыми открыли боевой счет партизанского отряда. На третий день пребывания в лесу комиссар в сопровождении Дымникова вышел на разведку к шоссе и устроил засаду, в которую попали несколько вражеских мотоциклистов. Добрынин был вооружен своей неизменной «ижевкой», Сережа – малокалиберной винтовкой. Они убили четырех фашистов, одного взяли живьем и принесли с собой в лагерь три автомата, четыре пистолета, бинокль, несколько гранат. Это были первые трофеи партизан.

– Мойтесь побыстрее, ребята, – слышался за стеной голос Дымникова, – там же ожидают.

– Вася! Ну я же тебя прошу, – молил кто-то тоненьким голоском, – потри мне спину, будь человеком!

– Отвяжись ты, пискун! И так хорош будешь, – отвечал спокойный густой бас.

– А хороша банька получилась, – обратился Пушкарев к Кострову, который сосредоточенно чинил свою зажигалку.

– Лучше нам и не надо, – отозвался Костров.

По лесным партизанским условиям баня действительно получилась хорошая. Построили ее по настоянию Пушкарева. Баня нужна была отряду до зарезу. Партизаны, ложась спать, снимали, как правило, только обувь. Раздеваться не позволяла тревожная обстановка, требовавшая повседневной, ежеминутной готовности. Белья сменного для всех не хватало. Летом и осенью в теплую погоду еще кое-как сушили на солнце. Другое дело – зимой. Когда надо было отдавать единственную пару в стирку, приходилось надевать верхнее платье прямо на голое тело.

Был объявлен воскресник. В боевых условиях само это слово звучало как-то странно. Однако воскресник себя полностью оправдал. В нем приняли участие почти все партизаны,

не занятые в этот день боевой работой. За день на пустом месте, у обрыва, возле небольшой речушки появилась просторная теплая баня, с паром, где сейчас с наслаждением мылись и плескались, точно дети, и бойцы и командиры.

И все же постройка бани дорого обошлась партизанам. Появление одного из главных, как говорил Пушкарев, «банных агрегатов» – каменного очага – было связано с героической смертью двух партизан: белоруса Толочко, младшего брата того, который возглавлял сейчас взвод, и татарина Набиулина – молодых, жизнерадостных ребят.

Восемь партизан взялись достать кирпич для кладки очага в бане. Кирпич надо было вывезти из школьного сарая в поселке, где стояли немцы. Партизаны соорудили вместительные волокуши, уложили на них брезент, чтобы не растерять груз, и вышли на «кирпичный промысел». Ходили в поселок парами по очереди. Когда одна пара с нагруженной волокушей возвращалась в лес, на смену ей отправлялась другая к сараю. Сходили все по одному разу, а когда Толочко и Набиулин пошли вторично, их обнаружили. Гитлеровцы окружили сарай и предложили партизанам сдаться. Толочко и Набиулин заперлись изнутри, залегли, открыли огонь и уложили трех солдат. Фашисты расшвыряли и начали обстреливать сарай, потом облили его бензином и подожгли. Они надеялись, что теперь уж партизаны сдадутся, но Толочко и Набиулин предпочли смерть. Продолжая отстреливаться, патриоты запели «Интернационал». Они пели до тех пор, пока пылающая крыша не рухнула и не похоронила их под собой.

Сейчас, сидя в теплом предбаннике и прислушиваясь к веселым голосам за стеной, Пушкарев невольно вспомнил о погибших и тяжело вздохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.